

Алёна Комарова

16+

**Бумеранг любви,
или Три дела по
одной цене**

Алёна Комарова

**Бумеранг любви, или
Три дела по одной цене**

«Автор»

2022

Комарова А. А.

Бумеранг любви, или Три дела по одной цене / А. А. Комарова —
«Автор», 2022

Неудачи затягивали петлю на горле. Обман. Развод. Авария. Может быть что-то хуже? Да! Нападение и покушение на убийство. Курортный городок на крымском побережье оказался богат на злоключения. Сможет ли Наташа Солнцева спасти подругу и найти преступника? Сама – никогда. Спасая подругу, Наташа нашла настоящую любовь. Вот только проблема – он женат. А у нее принципиальные взгляды по этому поводу. Любое событие кажется безнадежным. Или не кажется, а так есть на самом деле?

Алёна Комарова

Бумеранг любви, или Три дела по одной цене

Она захлебнулась в своем горе.

Поэтому Наташа не устроила скандал. Не было сил. В голове что-то противно пульсировало, пыталось взорваться. Возможно это мечты, которым не суждено было сбыться. Возможно, любовь, которую закипятили на огне. Она булькала огненной лавой, лопалась пузырями и обжигала сознание.

Все прошло тихо и мирно. Без крика, без истерик, без битья посуды и его чисто выбритого лица.

Все прошло без шума. А все потому, что она не умела шуметь и кричать. Не умела ругаться, биться в истерике и бить посуду, а лицо, тем более.

Виной тому не только воспитание, но и ее слабохарактерность, или что-то в этом духе. Она не знала, как это называется, но оправдывала себя и свою бездеятельность тем, что не была в подобных ситуациях никогда и поэтому не знала как себя вести. И тем более совершенно не была готова к такому повороту событий семейной жизни.

Вечером, она как всегда, приготовила ужин и долго сидела на кухне. Ждала. А он все не приходил. «Задержали на работе» – думала она. Звонить не стала, чтоб не отвлекать. Но, когда переживания распахнули свои липкие объятия, Наташа набрала номер Миши. Вместо него говорил женский голос, сообщал, что абонент недоступен. «Попал под машину» – Наташа провалилась в ужасные предчувствия. Но все оказалось намного хуже.

Он вернулся почти в полночь и сообщил, что уходит от нее. К другой женщине. Добавил еще, что очень сильно ее полюбил, «аж до безумия». Нет, он не так сказал.

Он сказал:

– Я люблю ее до умопомрачения. Я думаю только о ней. Всегда. Понимаешь? Всегда. – Он бросил рубашку в растопыренную пасть дорожной сумки, ехидно оскалившейся зубами молнии, и пояснил – когда ем, когда работаю, когда ночью сплю... с тобой. А думаю и мечтаю о ней. И я понял, что так больше продолжаться не может! Я хочу быть только с ней. Да и вообще, Натусь, что это я, как последняя сволочь тебя обманываю и обманываю. Самому тошно.

Она присела на край кровати – ноги ее не держали, подкосились – а он все кидал футболки, майки и рубашки в сумку, несколько не переживал о том, что они мнутя и что их опять придется гладить.

– Ты только не вздумай плакать, Натусь, и не сиди такая бледная. Смотреть на тебя страшно. – Он легонько подтолкнул ее в плечо – иди на кухню, попей водички.

– Не хочу – соврала она. Она почувствовала слабость. Мелкая дрожь прошла по мышцам ног. Она машинально схватила себя за локти, боясь выдать наступление нервного срыва.

– Как хочешь, только не плачь.

Зеленую футболку, которую Наташа купила ему на прошлой неделе, он еще ни разу не надевал. Он покрутил ее в руках и небрежно закинул обратно в шкаф. С заметным чувством облегчения он избавился от нее, как от бабушкиного свадебного платья, найденного в сундуке на чердаке. Вещь ненужная – никогда не пригодится. Этот жест красноречиво и болезненно сообщил о том, что он хочет порвать с ней отношения и со всеми воспоминаниями, связанные с ней. Ее как будто отхлестали по лицу. Она тихо заплакала от обиды. От обиды за то, что он уходит, за то, что уходит к другой, за то, что не берет вещи, которые она ему подарила. И за то, что она тоже, как бабушкино свадебное платье – никому ненужное.

Он повернулся к ней и всплеснул руками:

– Чего ты реवेशь? Я же просил тебя не реветь.

От того, что он увидел ее слезы, они полились еще сильнее. Наташа закрыла лицо руками и непроизвольно всхлипнула. Тут же последовала раздраженная реакция.

– Чего ты хочешь добиться, Натусь? Твоему горю уже слезами не поможешь. Хотя какое это горе? Так себе – житейские... эмм.. сложности. Я тебя разлюбил. Полюбил другую. За остальными вещами заеду на выходных. Ты же будешь дома?

Она не ответила, зато всхлипнула – не могла вынырнуть из бурлящего потока горя. Его черные волны кидали ее на острые камни обидных фраз. Каждое слово врезалось в сознание, оставляя рваную рану.

– Ну хорошо, Натусь, если не будешь дома, то не переживай, – лишнего не возьму. Мне чужого не надо.

– Чужого – повторила Наташа.

– Да ладно тебе. Что ты так расстраиваешься? Ты же не первая и не последняя, от кого уходит мужик. Чего ты, в самом деле? И вообще, Натусь, прекращай скулить, а то я уже винноватым начинаю себя чувствовать. Ты что хочешь, чтобы я совестью замучился?

Наташа убрала руки от лица и с удивлением взглянула на Михаила. Он опешил.

– Ты чего на меня так смотришь?

– Миша, – дрожащим голосом предположила она – а может, не было никакой совести? – Свои слова оказались еще опаснее, они разрывали сознание и душу. С каждым словом она осознавала свою правоту. – Может, не заложили ее у тебя с рождения. Я ведь сейчас понимаю, что не любил ты меня уже давно. Я же это чувствовала, хотя слабо, и думала, что мне все это кажется.

– Вот в этом ты права. Давно. Раньше я тебя любил. А теперь не люблю. И в этом ты сама виновата.

– В чем же?

– В том, что я стал ходить налево.

Ее удивлению не было предела. Она машинально высушила остатки слез тыльной стороной ладони, при этом не сводила глаз с Михаила. Каждой клеточкой тела она почувствовала обратный отлив эмоций. Она слышала рев крови в голове. Казалось, что там сейчас будет взрыв. Наташа напряглась. Встала и медленно произнесла:

– Ты давно ходишь налево?

– Да ладно, Натусь. – Он взял сумку, шумно застегнул молнию. – Сейчас из ванной свои причиндалы соберу и пойду. Ходил налево, сменял одну девку, то есть барышню на другую. С кем не бывает. Зато сейчас встретил самую единственную и неповторимую.

Неожиданно он увидел в ней что-то такое, чего раньше не видел никогда, и попятился в сторону выхода. На интуитивном уровне. Попроси его – он не объяснит.

– Да ладно, Натусь, чего ты заводишься? Забудь. И все. Чего это ты? Прекращай. Что было, то прошло.

Он, пятясь задом, вышел из спальни, прикрываясь набитой до отказа дорожной сумкой (на всякий случай). И когда отошел от Натальи на безопасное расстояние, ускорился и помчался обуваться. Трезво оценил, что в ванной не такие уж и важные причиндалы остались, можно и купить. Хотя зачем покупать? Зубная щетка и станок совсем новые, пены для бритья там больше половины бутылки, да и гель для душа, совсем как гель для души. Нужно их забрать.

Наташа опустилась на кровать, только уже не на краешек ее, а всей пятой точкой, обхватила голову руками и прошептала:

– Вот это да, а я ведь ничего не замечала.

– Я думал, ты знаешь – крикнул из коридора Миша – я думал, ты догадываешься, только вида не подаешь. Многие же женщины так делают. Знают об изменах мужей, но молчат, потому что так удобно жить. Всем.

– Миша, замолчи.

Наташу одолела усталость, хотя должна была одолеть истерика или, на худой конец, психическое расстройство с битьем посуды или морды-лица.

Миша аккуратно заглянул в спальню.

– Натусь, не грусти.

– Не буду – ответила она, не поднимая на него взгляда.

– Ну и не плачь.

– Из-за тебя не буду.

– Вот и хорошо. Я пойду? – как бы спросил он.

– Забирай свои причиндалы, а то выкину их в мусорный бак, и иди отсюда.

– Натусь, давай с тобой договоримся по-хорошему.

– Что?

– Ты мои вещички не порть. Они мне еще пригодятся. Не выкидывай. А я потом заеду и заберу.

Наташа медленно поднялась и направилась в его сторону, Миша опять попятился задом к выходу.

– Ни о чем я с тобой договариваться не хочу.

Наташа все напирала на него. Было в этом какое-то спасение. Ей казалось, что если он еще на секунду останется в квартире, ее разорвет на мелкие кусочки. Внутри началось смешение двух несовместимых чувств – обида и злость – ингредиенты взрывоопасной бомбы, сравнимой по масштабам разрушения с ядерной. Она чувствовала, как зубы скрипели, да что там умалчивать, она слышала, как они скрипели. Миша уперся спиной в дверь, нащупал ручку, дернул, открыл, схватил сумку и выскочил на лестничную площадку.

Наташино грозно-спокойное состояние его пугало. Ловя себя на мысли, что мало о ней знает, он сделал однозначные выводы – она психанутая, тихая шизофреничка. От таких неизвестно, что ожидать. Лучше ретироваться и не испытывать судьбу. Такая и треснуть по голове может, чем под руку попадется.

Но молча ретироваться он не мог, боялся, что совесть действительно замучает.

Тем более, он морально настроился и четко решил, во всей этой ситуации сделать виноватой Натусю. Но сплеховал. Сначала все шло хорошо, по плану, но потом он проговорился, что изменял ей налево, направо и прямо тоже... вот она и разозлилась. Но в таком состоянии ее нельзя оставлять, она должна остаться вся в слезах, наедине с чувством собственной вины.

Он не мог терпеть ее взгляд. Миша взялся за дверь и придержал ее, чтобы Наташа ее не закрыла. А на случай если ей вздумается его стукнуть или кинуться на него, то он успеет ее прихлопнуть. Не Наташу, а дверь.

– Натусь, – громко, на весь подъезд говорил он – ты не хорошо ко мне относишься.

– В смысле? – удивилась она.

Он сделал вид, что не заметил ее удивления и продолжил:

– Я все время чувствовал себя чужим в этом доме, нелюбимым тобой, как будто приобретенным тобой для мебели.

– Я тебя приобрела?

– Да.

– Как шкаф? – уточнила Наташа.

– Да. Для интерьера.

– Миша, что ты говоришь? Это бред какой-то. Я ничего не понимаю.

Она действительно ничего не понимала. Почему он ТАК говорит. Она к нему никогда не относилась как неодушевленному предмету, она наоборот его очень любила. Сейчас, конечно, она не станет признавать, но все-таки иногда она его боготворила.

А Миша тем временем от намеченного плана не сдвинулся ни на шаг и продолжал громко говорить, чтобы все соседи слышали, что у них произошел скандал и, что он уходит от Наташи по ее вине:

– Вот поэтому я ухожу от тебя. – Он прислушался к тишине лестничной площадки, убедился, что соседское любопытство удовлетворено. В удар дверью он вложил большую часть своей силы.

Стремительный воздух ворвался в квартиру. Наташа непроизвольно моргнула. Кусочек штукатурки обвалился с потолка. Плюхнулся под ноги. Он был последней каплей в чаше нервного коктейля. Мало того, что он незаслуженно обвинил ее, так еще и устроил погром. Громкое слово для кусочка штукатурки, но равносильное – для души.

Наташе вдруг захотелось, чтоб он не просто ушел, а провалился. На воображение она жаловалась с детского сада, когда не могла пририсовать лисичке платьице – не могла себе это представить. Зато сейчас ее воображение не подвело. Миша провалился через все этажи их подъезда, с грохотом приземлился возле входной двери, ушиб себе ноги, руки и голову. Она одернула свое разыгравшееся воображение – последнее было жестоким видением – хоть бы не вызвать лиха, еще не хватало действительно считать себя виноватой. Ничего он себе не ушиб, но с нелепым и удивленным лицом посмотрел вверх через дыру в три лестничных пролета, отряхнулся от известки, и пыльный, взъерошенный и грустный поплелся в машину и...

Ну а дальше собственное, не вовремя проснувшееся воображение, сыграло с ней злую шутку.

... И поехал к своей любимой женщине. Обнял. Поцеловал. Не пренебрегая мужским аппетитом, съел ужин, который она приготовила.

Возвращение в реальность было горьким. Наташа опустила на пуфик и зарыдала.

Она любила и отдавалась ему вся, все делала ради него. А он что? Почему он усомнился в ее искренних чувствах? Почему говорил, что ему было плохо с ней? Почему плохо было в этом доме?

Она и для дома все делала, чтобы ему было комфортно. Создавала уют, благоустраивала комнаты, как птичка – гнездышко. А он что? Почему?

Она даже не устроила ему скандал.

Дверь отворилась и в образовавшемся проеме сначала появилась голова, а потом и вся тетя Маруся.

– Наташечка. Наташенька, деточка, – тетя Маруся погладила ее по голове – не плачь, деточка, миленькая, не надо из-за него плакать. Не тот это человек, из-за которого нужно терять такие драгоценные слезки.

Наташа прекрасно понимала, что соседка от нее не уйдет, пока не успокоит. От сочувствия совершенно чужой женщины ей стало совсем невозможно, и она разрыдалась еще сильнее, с новой силой.

– Ох-ох-ох. Милое дитя, Наташенька, я тебе сейчас валерьяночки дам и чай успокоительный заварю. У меня есть. Я его пью, когда телевизор пересмотрю и потом заснуть не могу.

И Тетя Маруся – соседка, а по совместительству и хозяйка квартиры, которую она с Мишей снимала, (с этой минуты квартиросъемщицей осталась она одна) – быстрее молоденькой девочки сбегала в свою квартиру, принесла все, что ей нужно было, и помчалась в кухню заваривать-запаривать. По квартире поплыл аромат трав.

Через некоторое время она вернулась за девушкой.

Старушка – божий одуванчик – действовала на нее успокаивающе. Хотя не без двух таблеток валерьянки. Но постепенно слезы в организме закончились. А тетя Маруся чуть грозно нравоучительно причитала:

– Наташенька, ты у меня умница и красавица. Чего это ты вздумала из-за этого паразита нюни распускать. Пусть он из-за тебя плачет. Без такого ангелочка теперь жить будет. Давно его выгнать надо было. Молодец, что выгнала.

– Я не выгоняла, – возразила она, всхлипнула и добавила – он сам от меня ушел.

С возрастом люди учатся честности у детей. Мария не скрывала отношения к Михаилу, и эмоции читались на лице. Интеллигентная женщина могла промолчать, но раз уж случай повернулся обратной стороной и приходится говорить, то только правду, не подбирая слов.

– А зря не выгнала. Он всю твою жизнь испортил бы. Ладно, не обижайся, я добра тебе хочу. Сейчас с тобой чаю попьем. Люблю я этот чай. Он дает возможность на все трудности смотреть по-другому. Спокойно, не переживая и не нервничая.

Она подала Наташе кружку. Она оказалась горячей. От нее поднималась тонкая струйка пара. Так необычно в летний вечер. Зато необходимо для согрева замерзшей души.

– Теть Маруся, я его просто очень люблю – боюсь новой волны слез, Наташа и отпила глоток чая, залила горе. Во рту остался привкус травы, похожей на лекарство и она скривилась.

– Милая моя, забудь ты его как недоразумение твоей жизни. Не тот это человек, которого тебе надо любить. Ведь подлец подлецом. Что тут еще скажешь?

– А он меня уже давно разлюбил – гнула свое Наташе.

– Мое милое дитя, ты же еще в таком юном возрасте.

– Ого, тридцать пять – Наташа скривилась и ужаснулась. Она забыла о своих годах, а ей только что напомнили.

– Но не семьдесят пять, как мне, – возмутилась тетя Маруся. – В твоём, я повторяю, юном возрасте, жизнь только начинается.

– Да ладно вам, тетя Маруся.

– И ум только появляется. Это я тебе серьезно говорю.

Наташа удивленно посмотрела на нее и хмыкнула:

– Я думала, что ум намного раньше появляется. И никогда не считала себя глупой.

– А мудрой ты себя считаешь?

Наташа пожата плечами.

– Ты когда мудрость обретешь, то и глупость свою не теряй. Глупостью можно пользоваться в любом возрасте – разрешила женщина, глядя с высоты своего возраста.

Наташа скептически помотала головой. А тетя Маруся продолжала:

– А в тридцать пять девушка начинает понимать, что такое любовь и видит не глазами, а умом. Видит разницу между влюбленностью и любовью, между привязанностью и любовью, между увлеченностью и любовью.

Наташа наконец поняла о чем говорит женщина и возразила:

– Нет, тетя Маруся, я его действительно люблю.

– Дурочка ты, Наташенька, ох, дурочка. Нашла, кого любить.

Наташа поймала себя на мысли, что разговор с соседкой зашел в тупик, а выход из него в обратном направлении по тем же камням-словам, тропинкам-фразам, дорожкам-мыслям. Ей невероятно захотелось остаться одной, чтоб вдоволь наплакаться. От души, с воплями, всхлипами, вложив в слезы всю горечь события.

Но валерьянка в дуэте с успокоительным чаем сделали свое дело, и Наташа лишилась возможности реализовать приземленные желания.

Прошла неделя, оставив тяжелый шлейф воспоминаний. Первый вечер она провела в компании жалости и слез. Им на смену пришли раздражение и злость. Эта сладкая парочка не долго успокаивала Наташу. Они быстро сбежали, оставив после себя след недоумения – как можно было разлюбить такую девушку, как она? Потом вернулись слезы – это естественно – а когда они закончились (хотя это вряд ли, кажется в ней неиссякаемое озеро), пришла апатия, подтягивающая депрессию.

Миша ушел неделю назад, а она еще к этому никак не привыкла и каждый день, приходя с работы, расстраивалась. Ожидания не сбывались, и обыкновенная привычка не могла стать особым пророчеством. Ее не встречал в зале на диване Миша, не спрашивал, когда она заходила в квартиру «Натуся, это ты?», хотя прекрасно знал, что это она. А кто же еще? Не для кого теперь стало готовить ужин. Не за кем стало ухаживать. Некого стало обнимать. И не смотря на жаркое время года, холодно стало в постели.

Наташа вошла в пустую квартиру, села в коридоре на пуфик и задумалась. Ни одной приятной мысли. Грустной тоже нет. Плохой – нет.

В лучах вечернего солнца на полу разыгралась пыль и паутина.

Желания двигаться пропали вместе с мыслями. Ничего не хотелось, даже думать, не смотря на то, что это самое легкое дело.

Это депрессия – спокойно решила она.

А потом точно также спокойно решила, что поглотит ее эта самая депрессия.

Следующее решение спокойно вошло в голову – попадет в больницу в неадекватном состоянии. Чутьку пугал прием таблеток, но это было не настолько критично, чтоб она решила бороться с депрессией. Тем более она знала, что придется что-то менять. А как и что – не знала. Поэтому решила спокойно пересидеть в доме под названием «Горе» с подругой с именем «Депрессия Меланхолиевна».

Пыль плавно оседала на пол. Вдоль плинтуса прошел паучок – спешить ему было некуда, пылесоса он давно не боялся, потому что не встречал. Проблема нарисовалась в голове сама собой, но тоже как-то вяло и спокойно.

Как поменять все это? Как и что нужно менять, если ничего не хочется делать, руки опускаются, сил нет, в голове мысли только грустные и пессимистичные, а сама ходит чернее тучи.

Наташа вздохнула, сняла босоножки и пошлепала голыми ногами по прохладному полу в ванную.

В зеркальном отражении не увидела ничего хорошего. Серое лицо с синими оттенками под глазами. Унылый взгляд. Она умылась, долго терев лицо пенкой.

«Одно хорошо – думала она – я понимаю, что депрессия на меня уже напала, что выгляжу я плохо, это мягко говоря, что менять в моей жизни что-то надо. Так не должно продолжаться».

Она, не вытирая лицо, прошла на кухню и включила чайник, села, закрыла глаза и задумалась.

А все почему так? А все потому так, что не умеет Наташа ругаться. Вот если бы устроила она скандал Мише, выплеснула бы на него свои негативные эмоции, то не застряли бы они у нее сейчас в груди, в сердце. И не напала бы на нее депрессия.

Объяснения просты и ненавязчивы – все знают, что Наташа – тихая молчунья, скромная девушка похожая на собственную тень.

Что же делать?

Можно снять другую квартиру. Извиниться перед тетей Марусей и съехать в другой район. Поменять обстановку и соседей, которые не будут знать о ее разрыве с Мишей.

Поменять общение с прекрасными людьми, с Марией Александровной – тетей Марусей? Ивановыми со второго этажа, Кирсановыми – с четвертого? Уехать от них в другой район? Нет. Это нехорошая идея. Неправильное решение.

Тетя Маруся – мировая добрая старушка и квартира у нее хорошая и район удачный, в двух шагах от работы. У Ивановых – игривый пес и кричащий кот. У Кирсановых – трое детей, которые любят бегать по квартире, стучать, кричать, но не ругаться.

Чайник закипел и щелкнул кнопкой, а Наташа все сидела и думала, что менять что-то надо, но что именно – не понимала.

Или не хотела понимать.

Ведь если понять, что именно нужно делать, то это придется делать, а ей ничего не хотелось. Руки опустились, апатия полнейшая. На работе еле досиживала до конца рабочего дня. Домой плелась, как подбитая дворняга. Уютное гнездышко превратилось в грязную халупу. Продуктовый магазин обходила стороной, испытывая отвращение к еде.

Что же делать? Что делать?

Она провела по влажному лицу ладонями и приняла, как ей самой казалось в эту минуту, важное решение.

«Для начала нужно налить себе чай».

Решение оказалось и грандиозное и в тоже время легкое в исполнении.

Наташа выпила чай с печеньем. Со стола убирать не стала. Мимоходом взглянула в раковину, в которой давно никто не хозяйничал. Пошла в зал, задвинула шторы, забралась на диван, накрылась пледом, хотя летняя жара набирала силы, и уже давно пора было убрать его на антресоли до осени. Но в пустой квартире ей становилось холодно, неуютно и она забиралась под этот плед, согревалась и засыпала.

Среди ночи просыпалась, перебиралась с узкого дивана в свою комнату на широкую мягкую кровать. Одинокó крутилась-вертелась и под утро засыпала. И, естественно, просыпалась вся помятая и уставшая. И так повторялось всю прошедшую неделю.

Вот и сегодня она уже собиралась не отклоняться от вошедшего в правило графика вечерне-ночной жизни и уже даже скрутилась калачиком, но услышала мелодию телефона, которую они с Мишей поставили на его входящие звонки.

Она откинула плед, так, что он упал с дивана, сама слетела с него и помчалась на звук ее любимой мелодии. Где же он? Где этот телефон? Она суетилась и расстраивалась, что не может его найти. Сумочка небольшая, но поражает возможностью хранения в своих недрах ненужных вещей. Телефон все пел, играл и не находился. Наташа не выдержала и с отчаянием перевернула сумочку. Из нее вылетело все: кошелек, помада, пудреница... да где же телефон?... три ручки, блокнот, расческа, салфетки, что-то закатилось под тумбочку. А вот и телефон.

На дисплее светилось фото Миши. Она дрожащими от волнения руками нажала кнопку ответа и прижала трубку к уху:

– Алё – еле слышно сказала она, потом прокашлялась и повторила более уверенно – алло.

– Привет.

Услышала она до боли в сердце знакомый голос. От волнения у нее перехватило дыхание.

– Привет.

– А я уж подумал, что ты со мной не хочешь разговаривать. Да?

– Нет. Хочу – и голос ее опять дрогнул.

– Уже думал трубку положить. И без звонка к тебе приехать. Ты дома?

Сердце застучало в два, нет, в три раза быстрее, она приложила к груди руку.

– Ты хочешь приехать? – не веря своим ушам, переспросила она.

– Ну да. Ты как? Ты дома?

– Да – радостно сообщила она и посмотрела на себя в зеркало. Или зеркало стало светлее, или она расцвела, но ее отражение ей нравилось и все вокруг ей нравилось.

– Мне просто нужно уже... – его голос был чуть извиняющимся и неуверенным.

– Что нужно, Миша? – с улыбкой спросила она.

– Вещи. Я же не все забрал.

Она смотрела на себя в зеркало и видела, как улыбка сползает с ее лица.

Ну да конечно. А как же еще? И почему она решила, что он хочет приехать к ней, чтобы остаться. Он что сказал? «Я хочу вернуться». Нет. Вот что ты расплылась? Она взглядом спрашивала у своего отражения и слушала Мишу.

– Так мне как: сейчас заехать? Ты нормально?

– Нормально – соврала она.

– Или лучше когда тебя дома не будет?

– Ага.

– Тогда лучше завтра. Ты на работе будешь, а я заеду, заберу все.

– Ага.

– И тебе легче будет, ничего не оставлю, чтоб не напоминать больше о себе. Договорились? Натусь, ты вообще меня слышишь?

– Да. Слышу.

– Тогда ключ я соседке, в смысле хозяйке оставлю, когда вещи свои позабираю. А ты давай это, как это сказать? – он подумал и сказал – в общем, не унывай, не раскисай. Хорошо?

– Хорошо – согласилась Наташа.

– Ну, тогда, пока.

– Пока.

Она убрала от уха трубку и посмотрела на фотографию Миши. Он отключился, и фото пропало, ушло куда-то в недра телефона. Она аккуратно положила его на тумбочку, еще раз взглянула на себя в зеркало, глубоко вздохнула и поплелась на диван, завалилась на него и опять скрутилась калачиком. Пошарила рукой, не нашла плед и всхлипнула.

Она так сильно хотела, чтобы Миша вернулся, что даже услышала то, что он не говорил. Приняла желаемое за действительное. Разве такое может быть? Какое-то психопомутнение. Что это она себе понапридумывала? Мише просто понадобились его вещи, а она решила, что он хочет вернуться к ней, вернуть все, что с ними раньше было.

Желания не совпадали с действительностью, и ей пришлось оставаться наедине с безрадостными мыслями.

Из коридора доносились трели телефона, но Наташа решила не отвечать, кто бы то ни был.

Даже Мише.

Тем более Мише.

«Нет, категорически нужно что-то менять. – Думала она – Это не жизнь, а катастрофическое существование. Так и помереть можно».

Но как найти в себе силы, встать, подойти к окну и распахнуть шторы, чтобы лучи вечернего солнца проникли в мрачную комнату и осветили и освежили ее.

Но Наташе не хотелось ни солнца, ни луны.

Она задумчиво смотрела в сторону окна, но даже не пошевелилась.

Телефон перестал трезвонить, зато на кухне в ноутбуке булькающими звуками проснулся Скайп. Кто-то настырно пытался пообщаться с Наташей.

Как бы плохо ей ни было, но показывать свои слезы она не могла – гордость видите ли. Уже достаточно, что тетя Маруся стала свидетелем ее слабости и видела их. За это было стыдно неделю назад, но не сегодня. Сегодня она просто не хотела ни с кем общаться, сваливая вину на слезы, красные глаза и распухший нос.

Но чувство любопытства подталкивало к активности.

Ноутбук перестал «булькать» и Наташа сползла с дивана, как старая немощная гусеница, пошла на кухню. Кто же это мог названивать? Может Миша? Конечно же, не Миша – на его звонок стоит особенная мелодия, не такая как на остальные.

В коридоре с тумбочки она захватила телефон и просмотрела пропущенные вызовы: конечно не Миша – разочарованно констатировала она сама себе.

Звонила Таня – давняя подруга.

С Таней они не виделись уже почти год, но стабильно – с завидной периодичностью – созванивались. По скайпу тоже звонила она.

Не отвечать на звонки – это некультурно, но и общаться через слезы – не показатель воспитанности, тем более Наташа не горела желанием вводить подругу в курс дела. Она открыла сайт регистрации друзей и прочих малознакомых людей. Какая-то необъяснимая тяга (может даже зависимость) возникает в желание просмотреть новостную ленту, зная наперед, что познаний будет «ноль», а остальная информация улетучится в течении получаса, потому что не несет никакой ценности для сохранения ее на мозговом файле. Вспомнилось утверждение, что девяносто девять процентов пользователей сети не знают друг друга лично и никогда не встретятся, зато общаются как лучшие друзья, хвалят и нахваливают друг друга. Сайт оживился сообщением от Тани:

«Привет. Что случилось? Ты почему мне не отвечаешь? Я тебе звоню-пишу, а ты молчишь. Подруга называется. Подруги так не поступают. Сейчас же возьми трубку, а то мне придется к тебе приехать и устроить тебе взбучку. Тебе и твоему Мише за компанию, чтоб не отвлекал тебя от моих звонков. Что это такое? Некультурные выходки. Отвечай сейчас же».

Многолетняя дружба с Таней не позволяла долго молчать, игнорировать сообщения, тем более такие грозные.

Они познакомились в институте, будучи еще абитуриентками и продолжали дружить, не смотря на большое географическое расстояние. Хотя расстояние в пределах Крыма – не является большим.

Встречались редко, но, как стрелки в тире, метко. Учились в одной группе, жили в одной комнате общежития. Делили не только радости, веселье и слезы, но и знания, помогали друг другу учиться. Таня оказалась сильна в четких и точных науках. Спасала Наташу в теориях высшей математики, в решении дифференциальных уравнениях и в теории вероятности. А Наташе больше давались политология и социология, чем и помогала Тане.

После института так и сложилось – Наташа стала журналистом. Писала под несколькими псевдонимами ничего незначущие и мало оплачиваемые статьи о бездомных кошках и собаках, об отношении к ним окружающих, о пользе смородины на дачных участках и о звездном июльском небе над родным городом, чем иногда была довольна, а иногда даже был доволен главный редактор Сергей Петрович.

А Таня после института проявила свою способность к расчетам и подсчетам. Не без помощи родителей она приобрела участок возле самого Черного моря. Влезла в огромные долги и кредиты, но за несколько лет выстроила на этом участке базу отдыха, назвала в честь себя любимой «Вилла де-ла Таня», создала сайт в интернете, по которому люди смогли увидеть фотографии базы, удивиться роскоши и красоте, облизнуться и забронировать номер или домик. О Тане и о Вилле узнали курортники и к ней поехали со всей страны и близлежащих государств отдыхающие.

За два года Таня расплатилась с долгами и кредитами и стала жить припеваючи, полгода работая, полгода отдыхая.

Наташа написала:

«Танюша, Миша меня не отвлекает. Я с ним рассталась».

«Молодец» – тут же ответила Таня.

Было бы удивительно, если б подруга отреагировала на новость по-другому. Наташа скептически повела плечами. Она знала, что Таня, мягко говоря, недолюбливает Мишу.

«Он меня бросил» – уточнила Наташа.

«Ну и дурак».

«Но я его люблю».

«Ну и дура. Нашла, кого любить».

Наташа откинулась на спинку стула, прогоняя подозрение, что на другом конце интернет-сети переписку ведет тетя Маруся – слишком явное чувство дежавю. Если бы не депрессия, в которой Наташа оказалась, то, наверное, посмеялась. Но мысли были похожи на клейстер для обоев, такие же мутные и тягучие.

Таня не дождалась ответа.

«Ты чего молчишь? Обиделась что ли? Ты забыла мое мнение? Ты со мной по телефону можешь поговорить?».

Вот чего она хотела меньше всего – это личного общения с лучшей подругой, в чем честно призналась:

«Не могу».

Наташа включить чайник и достала из холодильника варенье, расчистила стол от грязных кружек, скопившихся за неделю болезненной апатии и укорила себя в свинстве. Кто бы мог предположить, что она может потерять связь с реальностью, перестав контролировать свои ощущения. Заиклилась на душевной боли и ничего не замечает вокруг. Даже грязных тарелок нет, неужели она ничего не ела? Она задумалась, ковыряясь в памяти, вспомнила, что ела бутерброды с колбасой, и успокоилась. Через некоторое время пришел ответ:

«Тогда слушай меня внимательно, то есть читай внимательно – я уже сто лет тебя зову к себе отдохнуть. Сейчас это как нельзя вовремя. Во-первых, мы давно не виделись, во-вторых, ты давно обещала приехать ко мне в гости, в третьих, ты разошлась с Михаилом, в четвертых, тебе пора поменять обстановку, отдохнуть и развлечься, и наконец, в пятых – погода отличная, а море бесподобное».

Отдых и развлечение – измена депрессии. Разве можно так быстро бросить лучшую спутницу брошенной женщины? Но из выше прочитанных пунктов Наташа увидела самое главное: то, что ее мучило и давило последнюю неделю: «Поменять обстановку».

Какие-то похожие мысли она вытягивала из обоевого клейстера, который варился в ее голове. Она же хотела что-то поменять. Только не знала, что именно и как это сделать.

А самое главное, что самой ничего не пришлось придумывать и ломать голову как найти силы, что изменить, как заставить себя двигаться и как поставить себе цель. Лучшая подруга пришла на помощь и все за нее сделала. Промотивировала всеми доводами, и то, что обещала приехать, и что сто лет не виделись, и море бесподобное и погода отличная. Или наоборот, погода бесподобная и море отличное. Хотя какая разница – суть-то одна. Таня и цель поставила – поменять обстановку, и естественно, обстановку эту самую уже для Наташи подготовила.

И Наташа быстро, пока депрессия не утопила ее в омуте, ухватила за спасительную соломинку и напечатала.

«Хорошо. Когда мне приехать и куда?»

«Сейчас. Вилла де-ла Таня».

«Сейчас? Я не могу».

«Можешь. Звони своему главному, бери отпуск. Срочный. По состоянию здоровья».

«Но я не больна».

«Отлично. А я больна и мне нужна твоя помощь».

«Что случилось?».

«Приедешь – расскажу. Все. До встречи. Буду ждать. Пока. Целую».

«Что случилось?» – требовательно написала Наташа, но Таня уже вышла из сети.

Наташа макнула ложку в варенье и облизнула ее. Так она и знала, у Тани что-то случилось. Не зря она названивала несколько раз на телефон и по видеосвязи. Но что? И чем Наташа может ей помочь? Чем она заболела? В голове крутилась жуткая мысль, которую Наташа пыта-

лась выгнать, но та прицепилась, как клещ, пытаясь высосать последние капли счастья. Господи, только не это. Она же еще совсем молода.

Ясное дело, что не ангиной заболела и палец не вывихнула, а что-то страшное случилось с подругой, так бы она не просила помощи. И как все обставила под красивое приглашение на отдых, а самой на самом деле помощь нужна.

Подгоняемая ужасными мыслями о диагнозе, который могли поставить Тане врачи, Наташа устроила телефонную тираду Сергею Петровичу, напомнив ему, что уже два года не была в отпуске, пообещав ему в течении двух часов закончить статью о вреде грызунов в доме и как важно включать аппарат «Антигрыз», чтобы эти самые грызуны не подходили к жилищу ближе, чем подает сигнал этот «Антихрум», то есть «Антигрыз». Кстати производители аппарата хорошо заплатили за рекламную статью редакции. Потом Наташа пообещала по возвращению отработать свои отгулы, так как Сергей Петрович все равно не подпишет ее заявление на отпуск, потому что у него это по плану не предусмотрено, а по бюджету – не рассчитано.

Придя к обоюдному согласию сторон, одна сторона – та, которая не главред, пошла, то есть побежала дописывать статью о вреде «Антигрыза» и о сигналах грызунов, то есть наоборот.

Когда о сигналах антигрызунов было покончено, и статья по электронной почте была отправлена главреду с припиской «я не могу ничего корректировать, положусь на вашу компетентность. С уважением Наталья». А так как сама Наташа уже неделю была некомпетентна и главред со всеми в издательстве об этом знал, то скорей всего понял, что это подхалимаж чистой воды.

Она быстро собрала дорожную сумку с вещами, а в пакет сложила остатки еды из холодильника, для себя отметив, что наконец-то почувствовала голод. После ухода Миши у нее пропал аппетит, и питалась в основном растворимым кофе на завтрак, обед и ужин и в промежутках между ними.

Она сложила сыр и хлеб в пакет. Налила кипятка в Мишин термос, надеясь, что в ближайшее время он ему не понадобится. Можно было поужинать дома, но Наташа решила время не тратить, а выезжать к Танюше. Поест можно и в дороге – было бы желание.

– Наташенька, ты куда? В отпуск собралась? – спросила тетя Маруся, когда ее любимая квартирантка отдавала ей ключи от квартиры. – К морю? Загорать?

– Нет, тетя Маруся, то есть к морю, но не загорать. Подруга заболела. Боюсь, что серьезно. Еду навестить.

– Чтобы не болеть, нужно пить отвар цветов с медом...

Подъездное эхо подхватило названия цветов и выскочило вместе с Наташей на улицу.

Дорога выдалась тяжелой. Сразу пошло все не гладко. Сначала машина не заводилась, а когда завелась, то выяснилось, что бак пустой. А ко всему этому еще и солнце село, но еще не стемнело. А в такое время суток Наташа чувствовала себя подслеповатой курицей. Простояв во всех городских заторах, она, наконец, выехала на трассу. Встречных машин поубавилось. Наташа «зацепилась» за попутного отечественного «тихохода» и двигалась за ним не спеша. Спокойное движение хорошо тем, что не требует сосредоточенного внимания и можно подумать на отрешенную тему. И Наташа успела представить, что за рулем той машины дедулька лет восьмидесяти. Он возвращается домой с рынка, торговал помидорами, выращенными на приусадебном участке в деревне «Васильки», если такая имеется в Крыму.

Но разыгравшаяся фантазия испарилась, как только дедулька съехал с трассы, оставил ее в полном одиночестве, если не считать, обгоняющих ее любителей скорости выше восьмидесяти километров в час. Пришлось «искать» следующего «тихохода».

Дождь застал ее на трассе, когда стемнело. В чистых каплях весело отражались фары обгоняющих машин. Обдав напоследок грязью из-под колес, исчезали и растворялись в каплях дождя. Приходилось шелкать омывателем и отвлекаться на лишние рычаги и кнопки,

что сильно нервировало Наташу. Она была автолюбителем с двухлетним стажем, но ее пугала мокрая дорога. И, по-видимому, не зря.

Она напряглась и крепче вцепилась в руль. От напряжения и нервного страха у нее разболелась спина, и захотелось есть. Она еще проехала с десятков километров, остановилась на обочине. Навигатор постоянно искал связь с космосом, терялся, о поворотах сообщал с явным запозданием. Электронный Сусанин давно не обновлялся. А Крым обновился. Наташа догадалась, что движется в нужном направлении, поела бутерброд с сыром, выпила кофе из Мишиного термоса и поехала дальше.

Еще ей было страшно, что она одна в ночное время суток едет по незнакомой дороге. Как назло еще и «тихоходов» давно не было, уже километров сорок. А если с ней что-то случится? Может с ней что-то случиться? Конечно. Вдруг машина сломается. Или дорожные бандиты нападут. Она хмыкнула, наверное, для того, чтоб не сидеть в полной тишине:

– Ночь. Дождь. Бандиты с большой дороги. – Успокоить себя не получилось и она пожалела о внезапном необдуманном решении – надо было утром ехать.

Каждый километр приближал ее к месту назначения и отдалял от дождя. Он стихал. Фары машины выхватывали из темноты дорожные знаки. Наташа проехала мимо деревушки под названием какой-то Поляны (толи Красной, толи Крайней), откуда начиналась прямая к месту назначения.

Наташа громко вздохнула, посчитав, что до города оставалось километров тридцать, а это минут сорок-пятьдесят езды, с учетом того, что она не может сильно разогнать машину.

Большую лужу она увидела, когда была уже возле нее. Удар пришелся на правое колесо. Машина провалилась в глубокую яму, которую эта самая лужа очень хорошо скрывала. Что произошло дальше – Наташа не поняла. Удар. Руль дернулся. В ушах зазвенело. Она автоматически сбросила ногу с педали газа. Надавила на тормоз и крепче схватилась за руль. Управление не зависело от Наташи, как будто малыш игрался с игрушечной машинкой. Но сила несравнима с малышом. Понесла на встречную полосу. Развернула поперек дороги. По инерции протянула по мокрому асфальту. И остановила. Фары выхватили из темноты ствол дерева. Совсем рядом. Опасная близость.

Наташа крепко сжимала руль. В голове стучала мысль: «Нужно было ехать утром».

Скрип в ушах прекратился, и она поняла, что ей не хватает воздуха. Наверное, она все это время не дышала.

Включив аварийку, она отстегнула ремень безопасности, медленно открыла дверь и вышла на улицы. Мелкий прохладный дождь освежил ей лицо. Впервые в жизни она обиделась на погоду. А на кого еще? так коварно замаскировать яму на дороге мог только дождь.

Она обошла машину, не надеясь на свои познания, но понимая, что не сможет адекватно оценить ситуацию.

Правое колесо было выломано и стояло почти горизонтально. Вот откуда был этот скрип, это ломалось железо. Она осмотрелась по сторонам, понимая, что машина стоит на обочине в нужном направлении. Как такое произошло? Она не могла понять. Ее же крутануло по дороге, но она не могла вспомнить, как машина сделала оборот в сто восемьдесят градусов. Наверное, она зажмурилась, хотя казалось, что глаза выпадут из орбит – так она их тарасила. И вовсе она не зажмуривалась, всего лишь моргнула.

Наташа постояла, полюбовалась колесом и, промокнув до нижнего белья, вернулась в машину.

Даже если бы она что-то понимала в ремонте автомобилей, то сама бы не справилась. Нужно вызывать эвакуатор.

Она позвонила Тане, но та не ответила. Наташа набрала номер справочной и узнала телефон ближайшей эвакуаторной помощи, дозвонилась. Мужской недовольный голос пообещал приехать через час. Перспектива неперспективная – сидеть целый час в мокрой одежде –

холодно, неуютно и грозит воспалением легких. Она еще раз попыталась дозвониться подруге, но потерпела неудачу, и полезла на заднее сидение, чтобы достать из дорожной сумки сухую одежду. И замерла на полпути. Она не знала точно, но почувствовала на себе цепкий взгляд. Он как будто проколол затылок.

Из темноты на нее смотрел мужчина. Он уверенно постучал в лобовое стекло. Наташа подпрыгнула на заднем сидении и уставилась испуганным взглядом в темноту. Увлеченные поиски платья в недрах дорожной сумки отвлекли, поэтому не заметила, что происходило в это время на улице. Она медленно протянула руку к выключателю и щелкнула кнопкой. Свет в салоне погас. От темного мужского силуэта веяло угрозой. В нескольких метрах от ее машины светились габариты джипа. Ничего общего с эвакуатором. Главное, чтобы это были не разбойники с большой дороги.

В стекло опять постучали.

Наташа быстро заблокировала двери и приоткрыла окно.

– Что вам надо? – спросила она, пытаясь разглядеть человека.

– Мне ничего не надо – не очень вежливо ответил он. – Мы подумали, что вам что-то надо.

«Он не один» – с ужасом пронеслось у нее в голове.

– Вам нужна помощь? – спросил он.

Его грубый тон не вязался с предложением. «Скорее всего, от его предложения отказываются, даже если нуждаются» – подумала Наташа, а в слух ответила:

– Нет, спасибо. Я уже эвакуатор вызвала – потом подумала и добавила – и полицию.

– Полицию? – удивился мужчина – а кто-то виноват в аварии?

Наташа врать не умела, поэтому промолчала. Она смотрела, как открылась задняя дверь джипа, и из машины вышел еще один мужчина. Что-то в этом было зловещее. Какие-то жуткие мысли забились в голове. Нормальные люди ночью на трассе не останавливаются. Мужчина открыл огромный черный зонт и подошел к Наташиной машине.

– Василий, не пугай людей, лучше скажи, что тут?

– Колесо вырвало, шарнир полетел.

– Справишься?

– Я? – обреченно удивился Василий.

– Ты.

– Павел Андреевич, а почему я? Вот девушка уже эвакуатор вызвала, пусть они ее и тащат на ремонт.

– А мы что же, дальше поедим? И как это все будет выглядеть? – он заглянул в окошко к Наташе – вы там одна?

Наташа на подозрительные вопросы отвечать не стала.

Он кивнул, незаметно усмехнулся и спросил:

– Вы не пострадали?

– Нет.

Тот, что с зонтом повернулся к своему водителю, а Василий был именно водитель, (это Наташа поняла по их общению) и сказал:

– Так что помочь придется.

– Хорошо – угрюмо согласился Василий. К Наташе он не испытывал симпатии и вежливость не появилась – у вас ключи есть?

– От чего? – опешила она, но потом сообразила, что ему нужен автомобильный набор ключей, но выкручиваться было поздно, потому что Василий, сделав выводы, грустно посмотрел на Павла Андреевича, пожал плечами, всем своим видом говоря о безнадежности, сидящей в машине девушки. В слух говорить не стал, но взглядом показал «Что ты хотел от блондинок, хоть они и брюнетки, шатенки или огненно-рыжие». Наташа заподозрила, что он считает

всех водителей-женщин недоразумением. Лично в этом признаваться не стал, видимо, остатки культурного воспитания остались, не все выкорчевал. Наташа в отместку успела поставить на нем клеймо грубияна.

– Возьму свои – вслух решил Василий и пошел в джип.

– Послушайте, Павел Андреевич, – позвала Наташа – не нужно мне помогать, сейчас приедет эвакуатор. Да и дождь идет, что ж Василий будет мокнуть.

– У меня есть зонт.

– Не надо зонт. Езжайте своей дорогой. Я дождусь эвакуатор сама. Спасибо за отзывчивость.

Василий вернулся с чемоданчиком с ключами и устроился перед машиной в свете фар, стал выкладывать нужные, проверил колесо, потолкал машину.

– Тут без спец инструмента не обойтись – крикнул он, – нужно на СТО.

– Хорошо. – Павел Андреевич умел быстро принимать решения и делать выводы – уехать я все равно не могу. Не могу оставить вас здесь одну. А вдруг разбойники с большой дороги. Останусь ждать ваш эвакуатор.

– Благодарно. Спасибо.

Павел Андреевич обошел машину, присел рядом с Василием на корточки, его большой зонт прикрывал от дождя их обоих. Наташа не могла видеть, что они делают, но хуже ее колесу уже не будет.

Мелкие капли падали на лобовое стекло, но не спешили стекать по нему, они как будто приклеивались и мешали Наташе смотреть. Она перебралась на переднее сидение и включила стеклоочистители.

Мужчины быстро сообразили, что сами действительно не справятся.

Павел Андреевич подошел к окошку и постучал в него, и когда Наташа его приоткрыла, спросил:

– Во сколько приедет ваш эвакуатор?

– Он не мой – возразила она и тут же пожалела, поправила тон – я не знаю.

– Позвоните им еще.

– Послушайте, если вы торопитесь, то поезжайте, не надо со мной нянчиться. Спасибо еще раз и до свидания. – Наташа закрыла окно.

В окно опять постучали, она его приоткрыла и буркнула:

– Что вы хотите?

– Я понял, вы нас боитесь. Это понятно – два незнакомых мужчины на ночной безлюдной трассе – хуже не придумаешь. Давайте знакомиться – Золотарев Павел Андреевич. А это мой водитель Василий – добрейшей души человек.

– Я заметила – сообщила Наташа.

– Да, я знаю, у него иногда бывает плохое настроение, особенно в дождь.

– Особенно ночью и на трассе – добавила Наташа.

– И это тоже. Так что не обижайтесь на него.

– Это я уже поняла и не обижаюсь.– Она шире открыла окно и протянула ему руку – Солнцева Наталья Викторовна.

– Наталья Викторовна Солнцева? – переспросил он, удивившись.

Взял ее руку, пожал. И, не отпуская, наклонился к открытому окну. Он внимательно рассмотрел ее лицо, как бы вспоминая что-то далекое, хорошо забытое, или глубоко зарытое подсознательное.

– Не может быть – не мог поверить он.

– Наверное, всякое может быть, Павел Андреевич.

– Да, – протянул он – я как-то даже не ожидал. Сколько лет?

– Больше десяти, Паш, – она так всегда его называла, проглатывая последнюю букву.

– А ты совсем не изменилась – он вглядывался в темноту салона машины, узнавая каждую черту ее лица. Конечно же, она изменилась, не сильно, но изменилась. Она стала взрослой и чуть поправилась, но ей это к лицу.

– Мне нужно домкратом приподнять машину – крикнул Василий с другой стороны – хочу попробовать починить. Если не получится, то только на СТО. Надо, чтобы девушка вышла.

Павел Андреевич махнул головой – он все понял и сделал выводы – делать выводы была его привычкой, которая его не подводила, а понимать он с детства умел.

– Выходи, Наташа, – он дернул дверцу, та не поддалась.

Наташа разблокировала ее и вышла.

Павел протянул ей зонт.

– Возьми зонт и иди в мою машину, а то промокнешь.

Она взяла зонт и сказала:

– Я тут постою.

– Иди, а то вон ноги уже мокрые.

Она действительно сразу же попала в лужу, а по своей обувной способности босоножки не смогли уберечь ее от воды.

Он взял ее под руку, зная, что она сама все равно не пойдет, довел до своей машины и усадил на заднее сидение.

– Сиди, грейся – дал указания, захлопнул дверь и ушел к Василию.

Она осмотрелась. Мягкий кожаный салон автомобиля – огромный, чуть меньше квартиры, которую она снимает у тети Маруси. В салоне горел приглушенный свет, освещая панели с кнопками и рычажками. Их количество могло сравниться только с комнатой управления космическими кораблями.

«Чем богаче люди, тем больше создают для них кнопочек с благами. – Без признаков зависти подумала Наташа. – А их водителям приходится больше запоминать всякой нужной и ненужной информации, где какая кнопка и за что она отвечает, что поднимает, что включает».

Наташа узнала Павла в свете фар своей машины, когда он обходил ее осматривать, прячась под зонтом. Да, она его узнала, но не стала это афишировать и с воплями радости кидаться ему на шею. Наоборот, надеялась, что он и его водитель покрутятся-покрутятся вокруг машины, поймут, что ничего не смогут сделать и уедут. Уедут, и она с Павлом не увидится еще десять лет. И хорошо. Вот так и должно было быть, но почему-то неожиданно всплыли воспоминания. Сейчас не хотелось вспоминать их студенческую жизнь, дружбу, учебу, веселье. Тем более они так нехорошо расстались. Сейчас ее голова забита другими переживаниями. Переживаниями из-за болезни Тани и расставания с Мишей. Видимо депрессия еще пыталась командовать своей хозяйкой (даже рискованная ситуация не выбила ее из Наташи), но ей не хотелось уходить в приятные воспоминания прошлого и не хотелось думать о неприятном настоящем, о Таниной болезни, о Мишином уходе, о серьезной поломке машины, которая влетит ей в кругленькую копеечку. М-да, невесело.

Водительская дверь открылась и Павел сел за руль.

– Вот что мы решили – он обернулся к Наташе, – Василий останется с твоей машиной, дождет эвакуатора, с ними же доедет до СТО. А я тебя отвезу куда надо.

– Я раньше не замечала за тобой такое не очень хорошее качество: решать за других.

– Это издержки производства. Не стоит на них обращать внимание. Так что, куда тебя везти?

– Я еду в Черноморское. К Тане, на «Виллу де-ла Таня». Где это находится, я не знаю, ехала по звездам. – Павел шутку не понял, она пояснила – навигатору не доверяю. Собиралась доехать до города и позвонить Тане, чтоб она меня в мобильном режиме довела. Но она, кстати, мне не отвечает, я ей звонила, когда машина сломалась.

– Все понятно. Я тебя отвезу. Нам все равно по пути.

– Неужели? – усомнилась она.

– Я тебе большее скажу: я тоже еду в «Виллу де-ла Таня».

Он как будто пристыдил ее в недоверии. Так ей показалось.

– Seriously?

– Чему ты удивляешься? Я уже несколько лет только у нее отдыхаю.

– А я вообще у нее никогда не была – грустно сказала Наташа.

– Не беда. Тебе нужно что-то с машины забрать?

– Конечно, у меня там вещи, сумки, документы. Неизвестно, сколько машина будет в ремонте. Я что ж без вещей буду?

– Тогда пошли за вещами.

Он вышел из машины, обошел ее, открыл Наташину дверь, подставил зонт и проводил за сумками. Василий помог донести их в джип и вернулся в Наташину машину, сел за руль. Было видно, что он сильно недоволен решением Павла Андреевича оставить его в чужой сломанной машине.

Дорога до Черноморского за разговорами оказалась довольно короткой, еще и на джипе (конечно, это тебе не на стареньком «тихоходе» восьмисот лохматого года производства).

Павел не в первый раз ехал по этой дороге и без труда нашел «Виллу де-ла Таня», он въехал в открытые ворота на стоянку. Таня всегда оставляла для его джипа это место. Это вошло в неоговоренную привычку – свое место на стоянке, один и тот же домик для отдыха, весь первый этаж для Виктории с детьми, отдельная комната на втором этаже для него – так чтобы рядом с семьей и в то же время отдельно, чтоб можно было до ночи поработать, никому не мешая, а утром до обеда поваляться в постели, чтоб никто не мешал. Виктория с детьми приехала сюда еще неделю назад.

«Уже загорели, наверное» – подумал он.

– Мы приехали? – борясь с явным проявлением усталости, спросила Наташа.

– Да. Вон Танюша тебя встречает.

С широкого высокого крыльца шикарного здания спускалась Таня, все та же Таня, с которой Наташа дружит уже, кажется, сто лет.

– Это она тебя встречает, Паш, – улыбнулась Наташа – она же не знает, что я приехала с тобой.

Естественно встреча двух давних подруг не прошла без визга, слез радости, «обнимашек и целовашек», как это назвал Павел. Он с улыбкой понаблюдал за всем этим, уточнил, не свалятся ли они, обнимаясь, в бассейн, взял сумки, обошел этот самый бассейн и пошел по ступенькам в здание, на крыльце его встретил мужчина.

– Здравствуйте, Павел Андреевич, – сказал он и перехватил у него сумки.

– Здравствуй, Максим.

Максим работал у Тани уже несколько лет и каждый раз Павла встречал именно он. Или потому, что Павел приезжал всегда ночью, а в ночное время работала только хозяйка Таня и Максим. Или потому, что Максим жил у Тани на постоянном месте жительства в летний сезон в отдельном небольшом домике где-то возле хозпостроек. И как он сам говорил: «чтобы далеко не бегать, вдруг я понадобится Татьяне Семеновне».

– Как доехали?

– Отлично.

– Погода сегодня буйствовала. Да?

– Да.

– Наверное, дорога ужасная была?

– Нет. Нормальная. Хотя, Наташа без приключений не смогла доехать.

– Вам ужин подавать?

– Кофе только. Я еще поработать хочу.

– А Василий где?

– Он приедет позже.

Этот ответ разочаровал Максима, придется еще раз среди ночи вставать, встречать Василия, делать ему ужин или только кофе, но он взял себя в руки.

– Кофе в номер или в столовую пойдете.

– В столовой. Не хочу шуметь в номере, а то детей разбужу.

В фойе влетела Таня, таща за собой подругу.

– Максим, ты не поверишь! – радостно говорила она – это Наташа. Представляешь?

Максим галантно кивнул.

– Очень приятно.

– Это Наташа – повторила Таня, поражаясь почему Максим не радуется – Наташа, подруга моя давняя, я тебе о ней рассказывала, мы учились вместе. Ну что ж это такое?

Тут лицо Максима просветлело от осознанного:

– Это вы?

Наташа даже застеснялась от дозы внимания к себе.

– Наконец-то до него дошло – сообщила Татьяна.

Павел усмехнулся, потер лоб и сказал:

– Пойду я пить кофе.

Тут только Таня спохватилась, что не встретила постоянного гостя и дорогого друга подобающим образом и засуетилась.

– Да, Павел Андреевич, пойдете кофе пить, ужинать, мы составим вам компанию, если вы не против.

– Нет, Таня, я не против. Мне просто сегодня еще поработать нужно, поэтому хочу кофе выпить.

– А до завтра ваша работа не подождет?

– Она, вредная, не ждет, – отшутился Павел.

Таня схватила под одну руку Наташу, под другую Павла и повела в столовую. В этом было что-то из прошлой жизни. По дороге рассказывала:

– В этом здании на первом этаже номеров нет, в других домиках есть номера везде. У меня даже есть двухэтажные номера: первый-второй, четвертый-пятый, но это только одно здание, но в основном оно у меня пустует. Не многие могут позволить себе снимать такие номера. Хотя Матвей Сергеевич в двухэтажном живет. Семью ждет на курорт, должны скоро приехать. Здесь у меня столовая, дальше по коридору поварская, то есть кухня, вон там медпункт. Медсестра днем дежурит, только она никому не нужна, во всяком случае, ни разу никто к ней не обратился. Заходите.

Они вошли в огромное помещение, со скромным названием столовая. Столики стояли везде, вдоль стен по периметру были обустроены отдельные кабинки.

– Хотите, садитесь за мой стол, вот он – она указала на стол около окна. – Максим сейчас кофе сделает.

Она прошла за барную стойку и стала там шуршать пакетиками, стучать ложечками об кружечки, но рот ее не закрывался ни на минуту.

Наташа с Павлом проследовали за подругой, прошли к барной стойке и взгромоздились на высокие стулья.

– Здесь решили сесть? Вот и правильно. Видишь, Наташа, здесь я сделала все для людей и их желаний с потребностями. Хочет человек выпить – вот бар, хочет пообедать – вот зал, хочет уединиться – вот кабинки.

Павел, подтверждающее, кивнул головой.

– Точно, что все для людей – восхитилась Наташа.

– Есть еще беседки, уличные столики и мангал. Вот Павел Андреевич любит на улице обедать, я его привычки уже выучила наизусть. Да?

– Да – подтвердил Павел.

– Максим, – крикнула Таня себе за спину – где кофе?

Она выставила на барную стойку вазочки с конфетами и печеньем.

– Несу-несу – из поварской, то есть из кухни, как это назвала Таня, вышел Максим с подносом в руках, на нем стояли три чашки благоухающего кофе.

– Он хорошо готовит кофе – похвасталась Таня, когда он ушел. – Он мой помощник во всем. Хороший парень, молодец. Наташа, я так рада, что, наконец, выбралась ко мне. Я тебе завтра, когда ты выспишься, все здесь покажу-расскажу.

Она отхлебнула кофе, но ни Павел, ни Наташа не успели даже слово вставить в образовавшуюся паузу, как Таня продолжила.

– Представляешь, Павел Андреевич, лучшая подруга за десять лет впервые выбралась ко мне. Вот от кого не ожидала такого ... эм.. такой незаинтересованности во мне, так это от нее.

– Почему незаинтересованности? – поперхнулась Наташа – я всегда тобой интересуюсь.

– Да ладно – отмахнулась Таня, – я пошутила. А вообще, как это называется? Когда лучшая подруга в гости не едет?

– Я думаю, – сказал Павел – это называется «Нет времени».

– Как это нет времени? – не унималась Таня, – вот я же находила время к ней в гости ездить.

– Когда? – поинтересовался Павел, догадываясь об ответе.

– Зимой.

– Так ты не сравнивай свою сезонность работы и Наташину. Ты ведь зимой не работаешь, отдыхаешь. Ты сама себе хозяйка, а она круглый год на дяденьку работает.

– Все это отговорки, отмазки другими словами. Такое ощущение, что хотела меня вычеркнуть из сердца вон.

– Не хотела – не согласилась Наташа, – но вы можете совсем не обращать на меня внимания и продолжать свою дискуссию.

– И вообще-то у меня зимой тоже работы полно, я, между прочим, каждую зиму в номерах косметический ремонт делаю.

– Сама?

– А это, между прочим, тоже моего присутствия требует. Попробуй этих «одаренных» строителей и маляров без присмотра оставь – они такое понаделают, что потом самой лично переделывать придется.

– По поводу строителей согласен.

– Так что не скажите. Зимой я не меньше занята.

– Ну, хорошо – согласился Павел – уговорила. Занята, сильно занята. Ты только не заводись.

– Я не завожусь.

– И не обижайся.

– Не буду. Вы просто зимой меня не видели. Хожу серее тучи.

– Почему?

Наташа грустно взглянула на подругу – она знала ответ на этот вопрос – подруга болеет вот и ходит сама не своя, но Таня про болезнь ничего не сказала.

– Потому, что я лето люблю. Это раз. Во-вторых, люблю суету, которую отдыхающие приносят. Зимой их нет, вот мне и скучно, а от скуки я серая становлюсь. Еще и эти работнички – строители. Пока носом не тыкнешь в работу, ничего толково сделать не могут. Разве можно так работать? Я даже в этом году решилась и наняла бригаду во главе с дизайнером –

она махнула рукой. – Дизайнер, девчонка молодая, вроде с металлическим стержнем внутри, именно такая, чтоб мужиками управлять. И что вы думаете?

– Что? – вместе спросили Павел с Наташей.

Таня смочила горло глотком кофе.

– А вот что – не справилась девчонка с поставленной целью в сроки. Подвели ее мужики. Бригада сложилась, что говорится – обнять и плакать. Один в запое, другой в загуле, у третьего жена рожает, у последнего просто жена и все тут. Девчонка уже не сдерживается, матом не ругается, а разговаривает, а мужик, с которым она ругается вообще, мне казалось либо по-русски не понимает, либо глухой на оба глаза. Бригаду я уволила, выгнала их куда подальше, дизайнера оставила – она же не виновата, что лентяи ей достались. Она нашла других рабочих и продолжила осуществлять дизайнерские проекты. А сроки уже ушли. Вот и получилось, что вначале мая, когда у нас курортный сезон начинается, а у меня в одном здании ремонт кипит. Это хорошо, что броней хватило по другим номера расселять.

– Да уж.

– Ну и какой это отдых, если ты на курорт приехал, а в соседнем здании стучат, шумят и дрелят. Я бы сердилась.

– Согласен, не весело.

– Мои отдыхающие культурно промолчали, но я-то понимаю, и не удивлюсь, если в следующем году они, перед тем как бронировать номер, десять раз спросят – закончился ли на Вилле ремонт. Вот такие вот дела. А вы говорите – зимой отдыхаю. Я в этом году до самого лета в трудах, заботах и нервном напряжении.

– Танюша, я же уже все понял и каюсь в своем необдуманном заявлении, а ты меня отчихвостила. Мне неудобно и стыдно.

– Павел Андреевич, я не выговариваю. Ни в коем случае. Я просто вам рассказываю, как у меня зимний сезон прошел.

– Надеюсь, закончила уже?

– Высказываться – закончила?

– Ремонт закончила?

– И ремонт закончила.

– Мешать нам строители твои не будут?

– Ты все смеешься? Конечно, не будут, июль месяц на дворе. Я же вам рассказываю – в мае они все закончили. Я с ними расплатилась, распрощалась и перекрестилась. Больше не найму их никогда. – Таня перевела дыхание и спросила – как вам кофе?

– Вкусный – честно ответила Наташа.

– Очень – подтвердил Павел.

– Еще сделать?

– Нет. Это будет перебор кофеина в моем организме – пошутила Наташа.

– И я не буду. Спасибо, Танюш, пойду я.

– Максим проводит.

– Я сам дойду. Дорогу знаю. Только ворота не закрывайте, Василий приедет.

Таня вытаращила глаза – она только сейчас поняла, что водителя Василия нет.

– А где Василий? Его нет? Он будет? – спохватилась она.

– Будет – будет – Павел нежно похлопал Таню по руке и подмигнул Наташе – он позже будет, задержался в дороге.

Он пожелал спокойной ночи двум подругам, догадываясь, что они сегодня ночью спать не будут. И ушел.

Таня хлопнула себя ладошкой в лоб.

– Как неудобно получилось. Совсем не заметила, что Василия нет, вернее я заметила, только подумала, что Павел Андреевич в этот раз без него приехал. Хотя номер и на водителя своего заказывал.

– Таня, – позвала ее Наташа.

– Что?

– Ты почему Пашу по имени отчеству называешь? Мы же знаем друг друга уже сто лет, дружили раньше. Я что-то не понимаю?

– Правильно. Дружили сто лет назад. Только тогда что было? – она не стала дожидаться ответа и сама же на него ответила – сто лет назад мы были молодые, глупые студенты университета, жили в одном общежитии, на одном этаже. Ходили друг к другу в гости, учились, потом угощались дешевым портвейном и жареной картошкой, ходили на дискотеки. До полуночи, если на вахте добрая тетя Валя, а если тетя Шура, то до 11 и ни минутой дольше. А утром все вместе на пары, на учебу, а после пар если веселая пора, то жарим картошку, если сессия то вермишель быстрого приготовления, для пушей жирности заправленная майонезом и в читальный зал – зубрить.

– Да, было дело – весело вспомнила Наташа, хотя два часа назад, когда на трассе после аварии узнала Пашу, не хотела вспоминать эту веселые, беззаботные времена.

– Я и сейчас могу его Пашкой назвать – продолжала Таня, – но когда он своей должности добился, взлетел на свои высоты, то я специально себя научила говорить «Павел Андреевич», с уважением и шепотом.

– Мне тоже его так называть?

– Нет. Тебе не надо. – Таня махнула рукой – я тебе говорю, что это я сама себя переучила. Кофе будешь?

– Нет. Хватит мне сегодня кофе.

– Не хочешь как хочешь, а я буду. Мне все равно еще Василия ждать.

Таня варила кофе, при этом шумела и стучала, то туркой по плите, то кружкой по столу, то ложкой по блюду, как будто забыла о времени суток. Настораживала ее суетливость. Или Наташе показалось? Она присмотрелась к подруге. Да, действительно. Естественно для ее характера, но необычно для компании. Обычно Таня при подруге вела себя более спокойно и открыто. Наташа заподозрила, что Таня запоздало пожалела о своей откровенности, и в данный момент пытается скрыть болезнь и перевести внимание на другие вещи. А может, отвлекает себя от внутреннего размышления? Сама-то она была в состоянии погруженности в мысли. Они затягивали ее жутким предчувствием, как болото путника. Она не могла перейти к главному разговору, она боялась, что Таня озвучит ей свой страшно ужасный диагноз. Наташе нужно будет утешать, поддерживать и приободрять словами. Не то чтобы она это не хотела – она это не умела. А «Ты держись. Все будет хорошо» – слишком банально. Тяжело приободрять человека, когда у самой может быть упадок сил и возможностей. Это же не про «Антигрыз» в газету писать. Вот про мышей все-таки легче думать, даже в минуты своей слабости и упадка настроения. На фоне болезни, разрыв с Мишей казался детской игрой.

– Не ожидала тебя с Павлом Андреевичем увидеть – прервала Таня размышления подруги.

Наташа как будто вынырнула из болота. Помотала головой, отряхивая тину-мысли, и оживилась.

– У меня машина сломалась – слишком радостно сообщила она новость противоположную тону. Наташа рассказала о приключениях на Черноморской трассе, и по какой причине задерживается Василий. И естественно закончила фразой – бедный Василий, если бы не я, он бы давно уже отдыхал. А ему приходится охранять чужую машину.

– Не переживай – Танюша как будто прочитала раздумья подруги (на то она и лучшая подруга, чтоб мысли читать). – Ты чего загрустила? Из-за своего ненаглядного злодея Михутки?

Наташа подозревала о «извращенном удовольствии», которое испытывал мозг подруги, выискивающий необычные, а иногда и обидные имена Мише. Конечно же Таня не испытывала от этого удовольствие, она всего лишь показывала свое отношение к Мише. Но не обижалась, потому что знала, что не со злости, а от веселого настроения и стихотворного мышления. А еще конечно из благих намерений и желания уберечь Наташу. Святое дело.

– Нет – быстро призналась Наташа, боясь, что разбудит Таниных чертят и святое дело будет приправлено приземленными словами.

– Зря ты из-за него скуку горькую разводишь – не поверила Таня.

– Я не из-за него, Танюш. Честно – добавила она, увидев скептический взгляд подруги.

– Ты мое мнение знаешь. Одиозная личность.

– Ну, Танюша...

– Зря ты с ним сошлась.

– В каком смысле?

– Зря ты с ним жила. Вот сколько парней вокруг тебя крутилось, а ты? Ну что ты в нем такого особенного нашла.

– Необязательно быть особенным, чтобы я его любила.

– Вот ты ведь, на самом деле, особенная, прекрасная, милая.

– Танюша, – пыталась Наташа прервать тираду подруги.

– А теперь что? Локти кусаешь?

Наташа пожала плечами:

– При чем тут локти?

– Вот и правильно. Ни при чем. Нечего тебе из-за него убиваться. Скажи спасибо, что деток от него не нарожала. И не вздумай сказать, что если бы родила, то он бы не ушел – она звонко шлепнула ладонью по барной стойке – я тебе сто процентов даю, такие как он и с детками жен бросают.

Наташа глубоко и тяжело вздохнула, она вспомнила тот вечер, когда Михаил уходил от нее.

– Ну-у-у, подруга, – протянула Таня – не раскисай. И скажи ему спасибо при встрече, что оставил тебя, дал тебе свободу, отпустил – она пересела на стул рядом с Наташей и обняла ее. – Ты пойми – сейчас все в твоих руках. Ты теперь свободная и решаешь за себя и свою судьбу, только ты и никакой Миха не сможет и не имеет право влезать в твою жизнь. Это я тебе на будущее говорю, на случай если ты еще питаешь надежду вернуть его к себе. Не нужен он тебе – злой Карабас.

– Ничего я уже не питаю, никаких надежд, Танюш.

– А вот и зря. Надежды нам в жизни обязательно нужны. Вот только избирательно к ним относиться нужно. По всяким мелким делам и делишкам – не нужны, точно. Они должны быть – Таня задумалась, подбирая слова, потом махнула рукой – самые необходимые, глобальные, если быть точной. Ты меня понимаешь, подруга. А Мишика здесь у меня в гостях даже не вспоминай. Ты сейчас на юге отдыхаешь, а Мишка пусть на севере висит. Помнишь конфеты «Мишка на севере»?

– Да.

– Вот мы их сейчас и съедим. – Она пододвинула к Наташе вазочку-конфетницу, пестрящую разнообразием – ковыряйся, ищи. Будем себе жизнь подслащать.

Наташа перебрала конфеты, но «Мишки на севере» не нашла.

– Ты не так ищешь. Вот так надо – Таня рассыпала все конфеты по стойке и перебрала конфеты, шурша фантиками. – Представляешь? Нет конфеты. Вот засада. Нет «Мишки». Это кстати к лучшему. Будем есть другие. Завтра скажу Максиму, чтоб купил.

Она протянула первую попавшуюся Наташе.

– Сдались тебе эти конфеты.

– Не хочешь, как хочешь. Ты главное не грусти и расслабляйся, наслаждайся отпуском, отдыхай. Завтра я тобой займусь по полной программе вип-курортника.

Таня протянула Наташе другую конфету – по ее мнению эта самая вкусная из всей кучи разбросанных по столу, но Наташа перехватила ее руку и положила на стол, прикрыв своей рукой.

– Танюша, подожди, давай отложим курортную программу. Ты мне лучше скажи – она сделала глубокий вдох, собралась с силами и спросила – что у тебя болит?

Таня невольно отстранилась, округлила глаза, лицо непроизвольно вытянулось, она скосила взгляд, потом часто заморгала.

– Что?

– Танюша, что у тебя болит? – повторила Наташа. – Какой диагноз поставили врачи?

– Какие врачи?

– Ты ведь была у врачей?

– Нет.

– А у кого ты была?

– Я не знаю, – опешила Таня – я у многих была. Ты вообще, о чем говоришь? Я тебя не понимаю.

– Ты что не ходила к врачам?

– Нет.

– Ты ходила к... к... колдунам и бабкам?

Она зацепилась за собственную мысль. От злости на шарлатанов разыгралась фантазия.

Измученные болезнью и горем люди сидят в очереди перед полуразвалившимся домом местной провидицы, колдуньи и целительницы в одном лице. Во двор неуверенно входит Танечка. Она с опаской оглядывается на забор, на котором висят бараньи черепа. Но жуткий страх не останавливает ее. Она всего лишь хочет узнать диагноз своей болезни, она всего лишь хочет вылечиться, она всего лишь хочет полноценно жить. Таня тихо спрашивает, помогает ли целительница, и ей отвечают: конечно, она всем помогает. Она всех лечит, она даже с потусторонним миром общается, а еще предсказывает будущее, указывает, где клад зарыт и силой мысли снимает порчу, сглаз, наполняет душу надеждой и опустошает кошельки. Доверчивые люди, у которых больше нет другого источника надежды, выходят от шарлатанки окрыленные. И никто не знал и не хотел видеть истинное лицо аферистки и обманщицы, потому что вера только на нее. Не смотря на раздражение, Наташа понимала их.

Танечка не знала о картине, которую успела себе нарисовать подруга и ответила:

– Нет.

– А к кому ты ходила?

– Не знаю.

– Что ты не знаешь?

– Я не знаю, о чем ты говоришь.

– Я тебя спрашиваю, какой диагноз тебе поставили? – по слогам спросила Наташа.

Таня развела руками:

– Ты меня спрашивала о врачах. И я тебе говорю, что не могу понять, о чем ты говоришь.

– Так – устало протянула Наташа – давай сначала.

– Что, сначала?

– Ты решила скрыть от меня свой диагноз?

- Какой диагноз?
- Я не знаю, какой, но ведешь ты себя неадекватно.
- Я? Могу обвинить тебя аналогично.
- Заговариваешь мне зубы о курортных программах.
- Ничего я тебе не заговариваю.
- Вот и не надо мне никаких программ, я сюда ради тебя приехала.
- А я тебе серьезно об этой программе говорила.
- Ты бы лучше мне о болезни серьезно сказала.
- Так. Стоп. – Замахала руками Таня, – какая болезнь? Какой диагноз?
- Твой. – Наташа от нервного возбуждения стала терять самообладание. Как она сможет приободрить больную подругу в таком состоянии, когда хочется на нее наорать.
- Мой диагноз – здорова как ломовая лошадь, хоть сейчас в космос лететь.
- Таня, прекрати, такими вещами не шутят. Ты просто решила мне ничего не говорить, но паясничать тебе не к лицу. Взрослая уже женщина, должна же понимать, что вопрос серьезный, а ты все шутишь.
- За женщину, ты мне, подруга еще ответишь, а вот на счет диагноза я тебе серьезно говорю – я здорова.
- Здорова – повторила Наташа, еще не понимая, толи радоваться, толи удивляться.
- Да. А с чего ты вообще взяла, что я больна и хожу по врачам?
- Ты мне сама сегодня написала в переписке.
- Я?
- Да, ты.
- Я? Ничего не понимаю. Я тебе написала, что хожу к врачам?
- Нет.
- У меня компьютер в комнате стоит. Сейчас сходим, посмотрим, что я тебе там написала.
- Не надо. Я и так помню. Ты написала, чтоб я взяла отпуск по состоянию здоровья
- Да.
- А я тебе ответила, что не больна.
- Да – опять согласилась Таня.
- И тогда ты написала, что ты сама больна и чтоб я срочно приехала, а то тебе нужна моя помощь.

Танина реакция удивила Наташу – она громко и весело захохотала, только успевала вставлять фразы и вытирать выступавшие слезы.

– Боже мой, Наташечка, как ты меня напугала. Ха-ха, это же была шутка. А я совсем забыла. Ха-ха, и не могу понять, что за диагноз, что за болезнь, ха-ха. Ничего не понимаю, какие бабки и колдуны.

Наташа откинулась на спинку высокого барного стула, сложила руки на груди и, дождавшись, когда Таня нахохочется, строго спросила:

– Так это была шутка!? – Ругаться Наташа не умела, но правду в глаза говорить умела, она пододвинулась ближе к Тане, оперевшись на руки и грозно сказала – ты знаешь кто? Знаешь? Ты, Таня, эгоистка. Вот кто ты. Самая распоследняя.

Таня пожала плечами:

– Это есть, конечно, правда, но я не знала, что ты воспримешь мои глупые шутки за золотую монету.

– Это очень жестокая шутка. Я сломя голову несусь к тебе на помощь. Среди ночи. В сильную непогоду. Влетела яму.

Таня прекратила улыбаться, а Наташа продолжила:

– Я чуть не перевернулась от этого.

– Да уж. Нехорошо получилось.

– А я тут сижу и слова подбираю. Жалею больную подругу. Не хочу ее травмировать.

– Вот это я дала. А я без задней мысли. Прости меня, Наташенька, прости. – Она с нежностью набросилась на подругу и обняла ее – прости меня. Признаю свою глупость и безответственность. Глупые, пустые слова, написанные мною в сообщении. Наташенька, какая я недалёковидная. Ведь на самом деле такая фраза родных и близких до инфаркта может донести. Прости меня, Наташенька, вот я глупая.

– Ладно, все. – Наташа устало вздохнула и высвободилась из рук подруги. – Главное, что ты на самом деле не болеешь – и с улыбкой добавила – и мне не нужно подбирать слова для твоего ободрения. Ты же знаешь, я ободрять не умею.

– Нет, Наташа, а ведь подумать только. Представь только на минуточку, ведь после моих слов могло случиться несчастье на дороге. Голова безмозглая.

– Спорить не буду, но надеюсь, что это самый ужасный твой диагноз. И мы его с тобой вылечим.

– Ой, Наташ, – спохватилась Таня – давай сейчас коньячком полечим.

– Коньячок – это не лекарство, чтоб тебя им лечить.

– А вот и нет. – Таня подскочила, засуетилась, стала собирать на стол все необходимое. Бокалы, лимон, коньяк. Совсем немедицинский диагноз, такое же лечение – немедицинское. Она налила в бокалы. – Давай за встречу.

Они стукнули бокалами, выпили и зажевали лимоном.

– Я что-нибудь сварганю на скорую руку, для закуски.

– Не надо, Танюш, – отказалась Наташа, зевая. Коньяк подействовал на тело расслабляюще, веки потяжелели, а ноги стали ватными. День плавно перетек в ночь. Он выдался тяжелым, насыщенным и эмоционально заряженным.

После того, как Наташа прочитала сообщение о болезни подруги, события с быстротой звука стали сменять одно другое: сначала она решила ехать к Тане, отпросилась у главреда, поехала туда, где ни разу не была, попала в непогоду, въехала в яму и сломала машину, угрюмый водитель Василий решил ей помочь (кстати, не по своей воле), встретила давнего друга Павла, бросила свою машину на угрюмого водителя (кстати, опять без его радостного согласия), приехала к подруге и выяснила, что нет никакой болезни, кроме глупости, а теперь еще напилась коньяка.

Она опёрла голову рукой.

– Да, подруга, ты совсем поплыла. Засыпаешь? – спросила Таня.

– Ага.

– Пойдем, я тебя отведу в твою комнату. Максим чемодан уже отнес – она взяла Наташу под руку и повела ее по коридорам – нам надо через улицу идти, там домики для гостей.

В холле за стойкой поселения Максим щелкал по клавиатуре компьютера, перед ним стоял Василий и что-то не громко и спокойно говорил, и было непонятно, толи он сильно устал, толи ему все надоело и ему лень разговаривать.

Наташа не сразу его узнала.

Василий поздоровался с хозяйкой и удивленно посмотрел на Наташу. Он не ожидал, что девушка, которой они с Павлом Андреевичем помогли в ненастье на безлюдной спящей трассе, и из-за которой ему пришлось полночи осматривать под дождем машину, а потом еще полночи ждать эвакуатор, остановится в том же доме отдыха, где и они. Хотя чему тут удивляться – скорей всего Павел Андреевич не стал завозить ее в первую попавшуюся гостиницу, а от доброты душевной привез в дорогущий отель, еще и номер, наверное, оплатил. Это в его стиле – благотворительность малоимущим. А то, что она неместная было понятно по ее дорожной сумке, забитой вещами, если, конечно, эта красотка не ездит на рынок за сгущенкой и капустой с чемоданом. Справившись с накинувшимися на него логикой и размышлениями, Василий отрапортовал:

– Ваша машина находится на СТО на улице Советской. Оно там одно. Завтра, то есть уже сегодня днем вам нужно будет туда съездить, они скажут вам свои расценки, если вас это устроит, они будут ее ремонтировать, если нет, то заберете ее в другое место.

– А что с машиной, Василий? – спросила Таня.

– Вырвало поршень, колесо отлетело.

– Ого. Это СТО хорошее, Наташ, я там тоже ремонтирую свою машину, так что завтра отвезу тебя туда.

Василий опять удивился – хозяйка пансионата уже сдружилась с этой красоткой и даже сама готова ее везти на СТО.

– Спасибо, вам, Василий, вы так много для меня сегодня сделали – начала Наташа.

– Не за что – буркнул он.

Наташа сделала вид, что не заметила его недовольный тон.

– Я забыла Павла Андреевича поблагодарить, он так быстро от нас убежал.

– Завтра поблаговаришь – решила Таня – он же не уезжает от нас. Еще увидите. Василий, сделать вам ужин?

– Нет, не надо – бурчать хозяйке, а по совместительству давней подруге его работодателя, он поостерегся.

– Может, кофе будете?

– Утром кофе выпью – он пожелал всем спокойной ночи и вышел на улицу.

– Вот бука, – шепнула Наташа Тане – но я ему все равно благодарна, просидел полночи с моей машиной.

– Он не бука, он такой есть. Просто необщительный. Был бы балагуром, у Павла бы не работал. Пойдем уже – она потянула Наташу к выходу. – Максим, сегодня никого уже не будет из гостей, так что можешь идти отдыхать.

Улица встретила свежестью. На долю секунды Наташа сбилась с шагу, осознав, что давно не гуляла ночью. Дождь закончился, стало легко дышать, не так как днем в жару, когда солнце выпаривает и жарит и чистого воздуха, под названием кислород, нету, потому что превратился в воздушный кисель, такой мутный и тягучий. Они прошли вглубь территории. Приглушенный свет фонариков на клумбах играли с тенью цветов. Вдоль забора светили яркие высокие фонари, как бы сообщающая, что охраняют. Некоторые из них просвечивались за большими соснами и елями. Некоторые нашли свое отражение в мокрой дорожной плитке. Вода в бассейне переливалась разноцветными огнями. Восторженная чистота воды манила. Не хотелось отводить взгляд. Зонтики над шезлонгами собрали – утром у них начнется новый рабочий день. Уличный бар под камышовой крышей манил своей иллюминацией. Все дышало спокойствием и отдыхом. Наташа вдохнула полной грудью, пытаясь запомнить эмоции.

– Я такое только в журналах на картинках и по телевизору видела – восхитилась Наташа.

В чистом воздухе голос звучал громко и расходился по всему городу, как эхо в горах. Таня, зная об этой особенности, говорила тихо:

– Сезон еще в начале мая начинается, но могу и круглый год принимать курортников. В прошлом году и в ноябре были и в феврале приезжали. Правда, ненадолго, максимум на три, пять дней. Новый год любят у меня встречать. У меня ведь и сауна с баней есть. И детская игровая комната с площадкой.

– То есть все для людей.

– И с разделением по интересам.

– Не в обиде.

– Это точно. Ни папа, ни мама, ни дите. Для мам у меня есть парикмахерская, правда работала у меня девочка, уехала к мужу на север, вот ищу ей замену, так что дня два-три мы без парикмахера.

– Ну и ладно, сами справимся.

- Ты вообще не представляешь, Наташа, какой у меня суперский пансионат.
- Да ты не скромничай, рассказывай, рассказывай.
- Что там рассказывать, я тебе завтра все покажу.

Они прошли несколько одноэтажных домиков и свернули на узенькую тропинку. На мокрый тротуар разбросали блики перевернутые фонарики. Воздух пропитался отдыхом и спокойствием. Таня открыла ключом дверь, пропустила Наташу и включила свет в номере. Номером это было трудно назвать, а скорее всего отдельная однокомнатная квартира.

– Это номер-люкс? – удивилась Наташа – или президентский?

– Нет, это обыкновенный номер. Извини, но я не могу тебя в президентский номер поселить, по причине отсутствия такового.

Наташа осмотрела «номер-квартиру», как она для себя ее уже назвала. Здесь была отдельная кухня, балкончик, естественно ванная и санузел.

– Таня, у меня квартира, которую я снимаю, меньше твоего обычного номера.

– Максим твой чемодан принес, вон возле шкафа поставил.

Наташа уже видела свои вещи и кивнула, а Таня продолжила:

– Знаешь, на самом деле есть отдыхающие, которые уезжают из своего дома, полностью отказываются от какой-либо готовки, варки-жарки и приезжают сюда, посвящают себя морю, солнцу, барам и дискотекам. Питаются у меня или по кафешкам деньги тратят. А есть и другие. Те, которые готовят для своей семьи. Вот в соседнем домике у меня живут две родные сестры с детками, так вот они сами себе готовят обед и ужин, а на завтрак ко мне в столовую приходят, детям наши блины нравятся, вот они ими и завтракают. Так что как говорится, клиенты бывают разные, вот для них и их пожеланий все это и устроено.

– Молодец ты, Танюш. Умница. Все так с умом организовала. Супер.

– Так я же тебе говорю – суперский у меня пансионат, а ты считаешь, что я нескромная.

– Я же пошутила. Ты что обиделась? – взволнованно проговорила Наташа.

– Ничего я не обиделась – успокоила ее Таня и обняла – я же тебя как облупленную знаю и все твои шутки наперед угадываю. И вообще, я очень рада, что ты приехала. А сейчас ложись спать, как выспишься, наберешь мой номер, и я за тобой приду. Хорошо?

– Хорошо.

– Позавтракаешь, отведу тебя на пляж, море у нас... ну ты и сама знаешь. Ни одно иностранное море не сравнится с нашим Черным морем. Так что пусть они там нервно курят в уголке.

– Кто?

– Иностранные курорты. У нас свои конфетки есть, – ухмыльнулась Таня и весело спросила – ты была на других морях?

Наташа удивленно посмотрела.

– За границей я имею в виду – уточнила Таня, сама зная ответ.

– Издеваешься? Танюш, я к Черному морю еле-еле добралась, а ты меня про границу спрашиваешь.

– Понятно – задумчиво сказала она. – Ладно сегодня уже отдыхай, а завтра мне все-все расскажешь. Почему все так плохо с отпусками, выходными и курортами.

Она подошла к Наташе, обняла ее, поцеловала в щеку, отдала ключ и со словами «Дверь я сама захлопну» ушла.

Наташа еще раз обошла номер-квартиру, взяла белое махровое полотенце, заботливо свернутое в рулон, и пошла в душ.

Глаза склеивались. Сказывался долгий трудовой день, перенесенный стресс из-за болезни подруги, не подтвердившейся диагнозом (слава Богу), из-за поломки машины (к сожалению, подтвердившейся) и стопка коньяка. Но принять душ – дело обязательное.

Смыв нательную «грязь» вода очистила мысли Наташи, потому, выйдя из душа и нахлобучивая тюрбан из полотенца на мокрые волосы, она по-другому посмотрела на сложившуюся ситуацию. Чистое и наивное решение она тут же озвучила своему отражению:

– Я на курорте. А это значит, что я должна здесь отдыхать. Я же давно этого хотела. Отдохнуть, загореть, поплавать. – Потом со вздохом добавила, как бы в споре убеждая себя, – и ничего, что я хотела это сделать с Мишей. Так сложилось. Не судьба. Судьба значит без него и без машины.

Настроение опять стало портиться. И пока оно окончательно не испортилось, Наташа махнула рукой, отражение тоже махнуло.

– Ничего. Все будет хорошо – постаралась она убедить себя – машину отремонтируют. А Миша...

Отражение с кислой миной смотрело на Наташу.

– Как бы я хотела – оправдывалась Наташа перед отражением, – чтоб он тоже приехал сюда ко мне. Мы бы долго обнимались, еще дольше целовались, потом плавали в море и загорали, лежа очень близко друг к другу.

Она улыбнулась своему отражению – отражение, кажется, поверило в ее искреннюю улыбку. В комнате было душно, и она открыла окно.

Наташа разобрала чемодан и разложила все по полочкам шкафа и в ванной комнате на зеркало.

Осмотрев кровать и оценив ситуацию, она расстроилась. Кровать стояла изголовьем к окну. Сквозняк – коварный вредитель ее здоровья – проверено на собственном жизненном опыте. Зная свой кашляющий и хромающий иммунитет, она поняла, что либо будет спать в душевной комнате с закрытыми окнами, либо придется включить кондиционер, что тоже ее не воодушевило. С кондиционерами ее связывала такая же не совсем радостная история. В прошлом году ее просквозил «ветродуй» в кабинете начальства, когда тот давал разгоняй. Наташа одна из всего коллектива заболела. С тех пор она боялась включенных кондиционеров.

Она прилегла на кровать ногами к окну. Дискомфорт почувствовался всем телом, хотя неудобства не было. Какое-то психологическое наваждение. Новое место, новая комната, кровать, подушка, наконец, все это казалось чуточку пугающим и хотелось устроить себе комфортное гнездышко.

Вариант переставить кровать подальше от окна – ненавязчиво пришел в голову лучшим решением. Оно приглянулось больше всего, если не считать, что кровать двуспальная, массивная и очень тяжелая.

– Надеюсь, что Таня не будет меня сильно ругать за перестановку. Хотя чего она будет меня ругать – пыхтя и кряхтя от тяжести, успокаивала себя Наташа. – Это же мой номер на ближайшее время, что хочу в нем, то и делаю. В пределах разумного, конечно. А кровать переставить – это разумно.

Разумное дело оказалось не из легких. Она ее и тянула, упираясь ногами в пол, сама скользила по ламинату, чуть не упала на пятую точку. Она ее и толкала, упираясь всем весом в кровать. Несколько раз хотела бросить задуманную перестановку, но здоровье оказалось важнее. Если она оставит все на своих местах и ляжет спать с открытым окном, то завтра у нее будет болеть горло и ей придется глотать таблетки, а плавание в море отложится на неопределенный срок.

Наташа подлезла под кровать и проверила ножки на наличие болтов, прикрученных к полу. Болты отсутствовали, но кровать не двигалась.

Наташа встала, походила по номеру-квартире в поисках швабры, которой не оказалось, но под раковиной на кухне нашла веник с совком. Она взяла в раковине губку для посуды, намочила ее и смочила ламинат возле массивных ножек кровати в стороны по направлению

движения этих самых ножек. Потом обошла кровать и стала толкать. Кровать скользила, как конькобежец на льду, уверенно приближаясь к противоположной стене.

– Уф – Наташа разогнулась и вытерла пот со лба – непосильный труд, посильная работа. Вот теперь другое дело.

Она легла на кровать поверх одеяла, примериваясь.

Окно осталось в стороне. Теперь можно не включать кондиционер, открывать окна в комнате и на кухне нараспашку и не бояться сквозняка. Наташино ночное лежко-место теперь в уголке под стеночкой.

На полу, где минуту назад стояла ее кровать, остались следы пребывания прежних отдыхающих – детская машинка, копейка, мусор, фантик от конфет, сама конфета, палочка от чупа-чупс, ручка и слой пыли, на которой оставила отпечатки своих босых ног Наташа. Наследила тоже.

– Уборщица себя не утруждает, в труднодоступные места не лезет.

Наташа встала, взяла веник с совком, собрала мусор. Пятирублевую монету, жетон в музей и детскую машинку она положила в карман халата, все остальное, включая губку для посуды, она выкинула в мусорное ведро под той же раковиной.

И размышляя на тему сделать замечание уборщице, или сказать Тане о некомпетентности работницы, или вообще промолчать о мусорной свалке под кроватью, она пошла в душ.

Добравшись, наконец до подушки, она только успела взглянуть на часы, отметив глубочайшую ночь, отключилась в спокойный сон, так и не додумав на счет уборщицы.

Проснулась, Наташа около полудня, потянулась, отметив для себя, что спала она крепко и спокойно.

С тех пор как Миша ушел от нее, она не спала так ни одной ночи. Каждую ночь у себя дома она просыпалась среди сна, вздрагивала и начинала плакать. Первые три ночи очень даже горько и долго, потом все меньше, а последние две ночи, кажется, просто по привычке. Просто привыкла она еженощно поплакать в постели о горькой безответной любви. Утром, естественно, вставала с красными от слез глазами и распухшим носом. Эта ночь стала исключением, сломав недельные привычки. Наташа успела выспаться.

Она глубоко вдохнула и сладко потянулась под махровой, легкой, как пух, простыней.

Или это свежий морской воздух чистый после дождя на нее так подействовал, а может после слишком насыщенного дня, нервного вечера и успокоительного коньяка, но одно ясно, что-то повлияло на нее оздоровительно чудотворно – ночь прошла спокойно. И даже какой-то цветной сон снился. Точно снился. Только, что именно снилось, она не вспомнила. Ну и ладно. Наташа еще немного понежилась в кровати. За окном плавно текла курортная жизнь, разбавленная голосами птиц и детишек. И непонятно, кто из них звонче.

Наташа накинула на себя простынь, которой накрывалась и подошла к окну, отдернула портьеру. В комнату ворвался яркий свет. Она закрыла глаза и подставила солнцу лицо. Тепло вошло в душу. Она ощущала спокойствие. Ничто не напоминало о проблемах. Она открыла глаза и, облокотившись на подоконник, рассматривала улицу. На территории домики, как грибочки на поляне, выросшие друг от друга в десяти метрах. Между ними свежая зелень газонов с клумбами ярких цветов и отдельными колючими юкками. Тропинки виляли по территории среди зелени, манили прогуляться. Больших деревьев не было, но молодые елочки имелись. Когда Наташа приедет сюда в следующий раз, они будут большими деревьями, через которые не будут просматриваться домики-грибочки. Раскинут пушистые лапы в разные стороны, приглашая посидеть в их тени.

– Молодец, Танюша – не уставала восхищаться Наташа.

Наташа открыла всю оконную раму и высунулась на улице, пытаясь увеличить себе радиус обзора. В беседке сидели молодые люди, а на трехместных качелях ползал малыш. Он

то слазил с нее, то залазил, то возился с машинками рядом на тропинке. Видимо это он пытался перепеть птиц.

После всех утренних процедур, Наташа пошла на поиски подруги, по пути наслаждаясь красотой. Без сомнения это красота была сделана руками, умом, средствами и фантазией Татьяны. Наташу одолела гордость за лучшую подругу. Она никогда не сомневалась, что Татьяну ждет хорошее безбедное будущее. Способность Мидаса в современной жизни – превратить в золото все к чему коснется, применив знания, расчеты и навыки.

Таня показывала хорошие лидерские, умственные и новаторские качества. В институте была отличницей, но не заучкой и зубрилкой, как Наташа, а именно талантливо умной – любую лекцию схватывала слету, запоминала ее, а потом применяла на практике. Лучше, конечно, ей давались точные науки, но запоминала она все. И не важно, какой был предмет – экономика, философия, английский или бухгалтерский учет со своими нюансами ведения в сельском хозяйстве. Она что слышала, то и запоминала. Наташа все время удивлялась, как можно держать столько информации в голове, не пользоваться шпаргалками и конспектами, а «складывать» ее на определенные полочки мозга и в нужный момент воспользоваться этой самой полочкой.

Будучи отличницей, Таня не прочь была и погулять. С Наташей они посещали бары и дискотеки, но в хорошем смысле этих слов – без кутежа, разврата, алкоголизма и битья посуды. Встречались с парнями, любезничали и выбирали себе пару. К сожалению, в институте ни одна из них не нашла себе молодого человека. Или их никто не нашел для серьезных отношений. Зато в итоге в руках – красные дипломы, они молоды, веселы, счастливы, беззаботны, красивы. Одиночество – не болезнь. Тогда они не задумывались о таких проблемах, как отсутствие семьи?

Жизнь ведь только началась.

Наташа прошла в холл. За стойкой поселения сидел Максим, можно было подумать, что с ночи никуда не уходил, но рубашку сменил и выглядел бодро. Деловую компанию ему составила администратор – Анна. Наташа всегда удивлялась девушкам за стойкой, при виде клиентов они лучезарно улыбались. Анна не была исключением.

- Доброе утро, Наталья, – поздоровался он.
- Доброе – улыбнувшись, согласилась Наташа.
- Татьяна Семеновна уже спрашивала о вас. Давайте я вас провожу в столовую.
- А где Татьяна?
- Я найду ее.

Наташа отказываться не стала, тем более, очень уж ей хотелось поесть, но самое главное блюдо – это кофе. А самое ужасное предположение, что она проспала завтрак и теперь столовая закрыта – не оправдалось. Она выпьет живительный напиток.

Максим посадил ее за столик около окна, объяснил:

- Это стол Татьяны Семеновны, она сказала, чтобы вам здесь накрывали.
- Спасибо, Максим.
- Не за что, если что-то нужно будет, обязательно обращайтесь.
- Хорошо – улыбнулась Наташа.

Максим кивнул официантке и вышел из столовой. Девушка в белом кружевном переднике на черном платье с коротким рукавом предложила омлет, блины и напитки и сообщила, что до обеда еще целый час. Наташа предпочла омлет и две кружки кофе. Привычка питаться кофе за одну ночь не испаряется.

Наташа осмотрелась. Ничего со вчерашнего вечера не изменилось, кроме люстры, свисающей с потолка. То есть, конечно же, люстра тоже не изменилась, просто вечером в полуосвещенном помещении столовой Наташа плохо ее разглядела, а сейчас у нее появилась такая возможность. Это была не просто люстра, это трехметровая громадина с миллионом блестя-

щих сосулук, переливающихся и играющих в солнечных лучах. Ох, как, наверное, шикарно она играет электрическим светом.

За угловым столиком мужчина пил кофе и ел блины со сметаной или сгущенкой, Наташа не разглядела со своего места, а всматриваться любопытным взглядом не позволяло воспитание. Он возможно, тоже проспал на завтрак, как и сама Наташа.

Танюша пришла в столовую, когда Наташа уже допивала кофе.

– Привет – она наклонилась и поцеловала Наташу в щеку.

– Привет.

– Как тебе завтрак?

– Все вкусно, а кофе вообще божественный.

– Отлично. Столовая для гостей была построена из эгоистичных соображений.

– Чтоб самой питаться? – хихикнула Наташа.

– Да. Я же готовить не умею. Обыкновенные макароны после варки не стали лучше тех, что остались в пакете. Ни чем не отличаются. Раньше некогда было учиться готовить. А теперь незачем. Пошли, прогуляемся, я тебе все покажу. Потом пообедаем и на пляж ходим.

– Да я так наелась, что уже только на ужин приду.

– А я бы пообедала.

– Конечно-конечно, – спохватилась Наташа, – ты же уже давно заступила на рабочее место.

– Да у меня рабочий день с раннего утра начинается. Это тебе положено отдыхать. Вот и спи до полудня. И ни в чем себе не отказывай.

Шутливое, а самое главное легкое настроение передалось Наташе. Видимо, это заразно.

Солнце уже разыгралось не на шутку – жарко и ярко светило. От дождя не осталось ни следа, ни лужи, ни капель на траве.

– Во сколько же ты проснулась? – поинтересовалась Наташа.

– В шесть, пока привела себя в порядок, в полвосьмого уже нужно на боевом посту быть. У меня сегодня заселение с самого утра началось. Семья с Архангельска прилетела. А в одиннадцать заселяла парня Алексея, он у меня ежегодно отдыхает. А этот сезон вообще во второй раз приехал. Хотя можно сказать, что первый, он всего-то на неделю уезжал домой по делам срочным. Вот и вернулся, только я его переселила в другой номер. Он все время один и тот же номер снимал, но когда он неделю назад уехал, у меня была необходимость сделать рокировку с жильцами. Ну, то есть, после него поселила молодоженов.

– Номера вообще классные. Ты молодец, Танюш. Такой шик и красоту организовала. Не каждому под силу.

– Так многие и сдуваются.

– В каком смысле?

– Вот взять мою соседку, у нее тоже участок такой же, как у меня. Строить и принимать курортников – велела окружающая среда. А она не потянула. Не смогла, причем работают всей семьей – она, муж и сын. Только он сейчас у меня работает, но я его не переманивала, он сам пришел, когда понял, что ему легче со мной, чем с матерью. Но все же не смогли или неправильно рассчитали свои возможности. В общем, стали они у меня в долг брать, я давала, давала по-соседски, а потом поняла, что они мне деньги не вернут. А у них пустовал этот кусок земли, и соседка предложила его у них за долги взять. Вот – она обвела рукой – вот этот кусок земли. Забор пришлось перенести, зато теперь на моей Вилле еще четыре домика, беседка с игровой зоной для детей.

Они шли по дворику и, с каждым отдыхающим, Таня здоровалась по имени.

– Много курортников приехало? – полюбопытствовала Наташа.

– Не буду жаловаться. Было и хуже. Бывало, что два домика занято, это примерно четыре семьи, и все. Затраты не отбиваю. Ухожу в минуса, даже кредиты приходилось брать. Дев-

чат-работниц приходилось со слезами на глазах увольнять. А в этом году хорошо. Всего два домика не занято. Но я не прибежняюсь, потому что уже испытывала на себе гадости судьбы. Но такое было по всему Крыму, когда курортники предпочитали ближнюю границу, не смотря на мои четыре звезды и лояльные цены.

Они сели на качели, плавное покачивание успокаивало. Тент-навес прикрыл от беспощадных солнечных лучей, но не обещал уберечь от теплового удара. Пружины поскрипывали. Из соседней беседки лилась музыка, пахло шашлыком. Наташа поняла, что рано отказалась от обеда. От пару кусочков шашлыка с маринованным луком с тонким листом лаваша, она бы не отказалась, даже под угрозой лопнуть от переедания.

– Кстати о цене, Танюш, я могу заплатить за... – Наташа не договорила.

– Ты чего? – Таня вытаращила на нее глаза.

Наташа не хотела ее обижать:

– Да ладно тебе. Я просто не люблю так.

– Как так?

– Бесплатно.

– Я тебя не для того сюда к себе пригласила, чтоб на тебе бизнес делать.

– Извини, Тань. Не хотела тебя обидеть.

– Глупая подруга. Ладно, прощаю – развеселилась Таня и обняла Наташу. – Вот честно, Наташа, ты же мне была, есть и будешь лучшей подругой.

– Ты тоже.

Из соседнего домика выскочила беловолосая девчонка лет девяти, разложила скакалку и поскакала в сторону двух подруг, напевая песенку из мультфильма про енота.

– От улыбки станет всем светлей: и слону и даже маленькой улитке.

Возле подруг девочка остановилась.

– Здравсьте, тетя Таня, – и со счастливым видом плюхнулась на качели рядом.

Пружины качели радостно скрипнули, заскрежетали и зашевелились шустрее, раскачивая трех девиц. У взрослых дам сперло дыхание, еще больше развеселив девчонку.

– Ох – с облегчением выдохнула Таня, когда опасность миновала, качели выдержали такого резкого натиска и ни одна пружина не лопнула. – Привет, Светулька – пулька.

Девчонка звонко и заразительно рассмеялась.

– Девчонка – ветер свежести – восторженно сообщила Таня и сказала девочке – познакомься, Светик, с моей подружкой. Это – тетя Наташа.

– Можно просто Наташа – разрешила Наташа.

– Очень приятно, тетя Наташа. Можно я буду вас так называть? Просто мама говорит, что по имени я могу называть только своих ровесниц, а тебя я буду называть уважительно – тетя Наташа. Это, конечно, совсем не означает, что я своих подружек не уважаю. Уважаю. – Она объясняла подругам свою точку зрения, качая ногами, все сильнее раскачивая тяжелые качели. – Только взрослых и стареньких нужно называть тетей и дядей или по имени отчеству. Вот как мою маму называют Виктория Викторовна. Только подружки и друзья ее называют Викой. И если еще она сама кому разрешает ее так называть. Вот – подытожила она. – Просто мама так считает, а маму нужно обязательно слушаться во всем.

– Ты большая молодец, Светик, рассуждаешь как взрослая – похвалила ее Таня.

– А я, тетя Таня, и есть взрослая – призналась она.

Качели не были предназначены для экстремального раскачивания, и пружины скрипели все жалобнее.

Таня с Наташей одновременно посмотрели на петли.

– Светочка, – попросила Наташа – а давай остановим качели, а то я уже старая и могу не собраться по запчастям, если сейчас грохнусь вместе с вами.

Девочка весело расхохоталась, но перестала мотать ногами и женщины смогли затормозить.

– Ну, ты даешь, тетя Наташа, – пришла в восторг Света – старая, ха-ха-ха, какая же ты старая? Ты очень молодая и красивая. И ты, тетя Таня, тоже.

Подруги переглянулись – комплимент из уст веселой хохотушки принес им радость.

– Я тебя обожаю. Ты мой, Светик-семицветик. – Таня обняла девчонку.

– Я тебя тоже – призналась Света и обняла Таню, чуть ли не залезла ей на колени, и радостно сообщила – о, папа Паша идет.

Она соскочила с качели, развернула скакалку и, как недавно скакала к женщинам, поскакала к Павлу.

«А чего ты удивляешься – спросила сама у себя Наташа, – у Паши могут быть, вернее должны быть дети».

Подбежав к нему, она набросилась ему на шею, он обнял ее за спину и покружил, потом взял за руку и они вместе подошли к подругам.

– Доброе утро, Павел Андреевич, – поздоровалась Таня.

– Доброе утро, девушки.

– Доброе – подтвердила Наташа.

– А я иду, смотрю: три девицы под окном, сидят, хохочут над ...

– ... над бревном – подсказала Таня.

– Ха-ха-ха – еще звонче засмеялась Света, – надо запомнить.

– Ты попробуй с ней не хохотать – засмеялась Таня – это ведь Светулька-свистулька.

Паша согнул руку в локте, и веселая счастливая девчушка повисла, как обезьянка, подогнув ноги. Долго так висеть ей было скучно, и она спрыгнула с руки и заскочила на качели.

Петли пискнули и все-таки оборвались.

Три «девицы» с грохотом, писком и смехом плюхнулись вместе с креслом на траву. Наташа с Таней от ужаса округлили глаза и, не поднимаясь с пятой точки, уставились на Свету. Девчонка стояла на коленях, держалась руками за спинку качели и заливисто хохотала.

Подруги, оценив ситуацию – серьезных травм, кроме отбитой пятой точки, нет, Свете весело, Павел в ужасе – переглянулись и стали хохотать хватаясь за животы, пытаясь подняться, друг друга, подталкивая и подтягивая обратно на землю. От смеха тряслись руки и ноги, и получалось, что они не поднимаются с земли, а ползают по ней.

Паша уже хохотал вместе с «тремя девицами». Он тянул за руки Таню и Наташу и пытался поднять их вместе, но они хохотали и обвисали на нем, а он сам не справлялся с этим тяжелым делом.

– Татьяна Семеновна, вы не ушиблись? – Максим подбежал и помог ей встать.

– Нет, Максим, я не ушиблась, а вот моя пятая точка будет в синяках – она потеряла ушибленное место.

Павел поднял Наташу, Света прыгала на упавшем кресле, сгибаясь пополам от смеха.

У Наташи выступили слезы:

– Ну, Светик, ты даешь, я так уже давно не смеялась.

Девочка посмотрела на всех, пожалала плечами и невозмутимо предложила:

– Давайте завтра опять повторим.

– Не-е-ет! – закричали все в один голос.

– Почему? – удивилась она – весело же.

Перебивая друг друга, взрослые стали объяснять ей, почему не стоит повторять трюк с качелями.

– Потому что у меня одна пятая точка, второго такого приключения она не переживет – весело признавалась Таня.

– У меня тоже здоровье, как у старушки – подтвердила Наташа.

– Да ладно – не верила девочка. – Молодая еще.

– А я разорюсь на компенсации и возмещении ущерба, причиненного тобой, деточка, – шутил Павел.

– А у меня чуть сердце не разорвалось – пробубнил Максим, он стоял в сторонке и курил.

Все уставились на него. От неожиданного внимания, ему стало не по себе, он спрятал сигарету от ребенка за спину.

– Это, дядя Максим, – сообщила Света – потому что ты близко к сердцу принимаешь все, что связано с тетей Таней. Любовь-любовь. Но я в этом еще ничего не понимаю, а мама говорит, что когда вырасту – пойму.

Смушение накрыло всех. Вот это уж точно заразное состояние. Танин румянец на щеках не заметить было трудно. Максим затушил сигарету и взволнованно проговорил:

– Чего это я тут с вами... у нас же заезд – развернулся и быстро зашагал обратно, теребя окурки в руке.

Паша взял Свету за руку и потянул за собой.

– Обед уже начался, есть пора. Маму с пацанами заберем и пойдем в столовую, потом на море пойдете – он обернулся и помахал подругам рукой – увидимся.

Светочка тоже помахала:

– Пока.

Наташа взяла Таню под руку и заговорщицким шепотом спросила:

– Это правда? Он к тебе неровно дышит?

Таня пожала плечами и возразила:

– Ровно, но это не имеет никакого значения.

– Почему? – Удивилась Наташа – хороший вроде мужчина. Ты бы поприглядывалась к нему.

Они шли по тропинке следом за уходящим Максимом. Он выкинул окурки в урну возле крыльца и зашел в здание.

– Ну что ты на меня так смотришь? – строго спросила Таня – не знаю я.

– А должна знать – не унималась Наташа – я-то Максима всего-то полчаса от силы знаю, а ты уже несколько лет бок об бок с ним работаешь. Не слепая вроде. Даже ребенок заметил и во всеуслышание сказал. Ты видела, Максим твой даже покраснел.

– Во-первых, он не мой, а во-вторых, может он покраснел от жары. Ты же не знаешь.

– Да ладно тебе. Не скромничай. Парень молодой, красивый.

– В том-то и дело, что молодой – грустно согласилась Таня.

– Что это за предрассудки, Таня? Насколько он моложе тебя?

Таня остановилась, дернула подругу за руку и грозно сказала:

– Хватит. Сколько можно мусолить? Закрываем эту тему. Он мне не пара. И все тут. И забыли, что Света ляпнула по детской глупости.

– Как хочешь, Танюш, – согласилась Наташа и со вздохом добавила – это не глупости, а наблюдательность.

– Все. Хватит.

Они поднялись по ступенькам в административное здание и Наташа шепотом, чтобы не услышала девушка за стойкой, спросила:

– Ты обиделась что ли?

– Нет, Наташ, просто неприятно как-то. А ты же знаешь, я не люблю попадать в глупые ситуации, еще и на глазах у своих подчиненных. Я вроде бы начальница. Это заявление Светика – конфуз.

– А упасть с качели – это не глупо?

Вспомнив эту картину, они захохотали.

– Нет – через смех ответила Таня. – Это весело. Нужно сказать, чтоб убрали ее, а новую купили. Хотя Максим уже все решил, наверное.

Упоминание о Максиме опять привело ее в смущение. Наташа удивилась – никогда раньше она не замечала за подругой таких сантиментов. В институте она могла растоптать, весело посмеяться, или жестом королевы отвергнуть влюбившегося в нее парня.

«Что возраст с нами делает?» – подумала Наташа, а вслух напомнила о делах житейских.

– Пойдем на обед?

Стол им накрыли по-королевски. Причем не только сервировка об этом говорила, но и названия блюд: уха королевская, отбивная по-королевски. От вина они благоразумно отказались.

– Название «столовая» всему этому – Наташа нарисовала в воздухе вилкой круг – не подходит. Как минимум ресторан. Огромный зал, огромные окна, шторы-портьеры, барная стойка, кресла и мягкие диваны, люстра, наконец.

– А что люстра? – Таня посмотрела на огромную хрустальную люстру, свисающую с середины потолка, как будто впервые ее видела.

– Люстра не для столовой. На входе надо сменить табличку. Надписать «Ресторан».

– Ресторан – возразила Таня, запивая минеральной водой – это уже не минимум, а максимум. Ресторан это место, где люди за еду платят деньги. А столовая – это комната, которая есть в любом доме отдыха. А еще мы не прошли по стандарту. В столовой все едят то, что приготовили нам повара, а в ресторане каждый может заказать себе по желанию. И мне бы пришлось нанимать еще штат поваров, чтобы угодить всем по меню. А у меня все как дома.

– Столовая по-домашнему – подтвердила подруга.

– Да – согласилась Таня.

Им принесли кофе.

– Сейчас поешь, бери купальник, я тебе пляж покажу. Поплаваешь, позагораешь.

– А ты?

– Мне еще людей встречать надо. Семья с Красноярска приедут в три часа.

– Слушай, Таня, – предложила Наташа – давай я тебе помогать буду.

– Отдыхай. Ненормальная трудоголичка.

– Вообще-то – обиделась Наташа несправедливому замечанию – я к тебе не отдыхать ехала. Или ты забыла, как ты меня заманила сюда?

– Хотела забыть, но ты не даешь.

– Врушка.

– Ты меня не упрекай, а давай собирайся отдыхать. Работу я тебе все равно никакую не дам. Так что на пляж, на пляж.

– Придется тебя расстроить.

Таня удивленно посмотрела на подругу, а Наташа победно ответила на ее взгляд:

– Я купальник не брала.

– Тю, это разве проблема? – махнула рукой Таня – у нас и голой плавают на нудистских пляжах.

– Чего???

– Да ни чего – веселилась Таня – дам я тебе купальник. А если хочешь новый купим, они продаются на каждом шагу.

– Ну хорошо. Не хочешь, чтоб я тебе помогала? Последний раз спрашиваю и последний раз предлагаю свою помощь.

– Вот буду я беспомощная лежать в постели, тогда поможешь. А сейчас шагом марш на пляж.

В столовую вошла шумная компания и села за столик у противоположной стены. Больше всего шума производили Светочка и два мальчугана-близнеца лет пяти. Павел Андреевич и

красивая блондинка сели друг напротив друга. Женщина сделала замечание детям и стала разговаривать с официанткой, давая указания на счет детских пристрастий к еде.

Наташа, не боясь в разоблачении, пристально рассматривала жену Паши: «Она лет на пять младше меня, но уже имеет троих детей. Когда люди все успевают?»

Женщина выглядела ухоженно, красивые правильные черты лица – это явная заслуга природы и родителей, а не косметолога, или пластического хирурга. Конечно в таком возрасте – это маразм – пользоваться услугами хирурга, но все чаще девушки стали обращаться к ним, да и кабинеты косметологов напоминают больничные кушетки для манипуляций с уколами. В погоне за красотой девушки не заметили, что стали заложницами соревнований друг с другом. У кого ярче брови, у кого больше губы, у кого длиннее стрелки, у кого светлее кожа. Девушки вшивали под кожу нити с драгоценными металлами, увеличивать части тела, в результате рты на рты не похожи, грудь – неестественного размера, а сзади торчит так, что опасно садиться (вдруг лопнет под собственной тяжестью). Конечно же, Наташа не осуждала никого – такие времена настали, хотелось выделиться из общества. Вот кого она не понимала, так это девушек, фанатично портящих кожу рисунками – лучше бы на полотнах писали.

Наташа машинально отметила, что жена Павла отличалась естественной красотой, и испытала зависть, быструю, как будто ущипнули ногтями. Красивые, большие, светлые, чуть грустные глаза, длинные белые волосы, захваченные в высокий конский хвост. Фигура без малейшего намека на троих детей, но это, скорей всего, заслуга тренажерных залов и фитнес клубов.

Неизвестно, куда бы завели ее размышления, но благодаря официантке, закрывшей супругу Павла от откровенного рассматривания, Наташа отвлеклась, споткнулась об взгляд Светочки, та помахала ей рукой. Наташа смутилась, но улыбнулась и помахала в ответ.

– Ох уж эта Светочка, – Таня тоже помахала ей – ураган свежести.

– Да уж – согласилась Наташа и поднялась из-за стола. – Пойдем уже, Танюш.

– Сразу на пляж или ты еще полежать после обеда хочешь.

– Нет, не хочу. Хочу сегодня еще попасть на СТО, узнать, что там с моей машиной.

Крымское солнце в послеобеденное время не имеет жалости к гостям и местному населению полуострова. Это Наташа испытала на собственной коже, выйдя на улицу, о чем тут же сообщила Тане:

– На пляже я сейчас обгорю и буду как вареная креветка.

– На пляже есть зонтики, так что не переживай. Пока тебе купальник и красивую шляпу с большими полями купим, пока дойдем, солнце в зенит уйдет. Пошли ко мне в домик. У меня где-то был телефон СТО, попробую найти, позвоним, узнаем, когда отремонтируют машину. Так что все будет хорошо, подруга.

– Я не сомневаюсь – согласилась Наташа. – Во всяком случае, хуже уже с моей машиной ничего не будет.

В отдельном Танином домике – брате-близнеце ее домика – имелось все, что не обременяет жизнь успешной бизнес леди. Все, кроме собаки.

– Вот это да – восхитилась Наташа – у тебя еще и живность есть. Когда ты все успеваешь?

– Открою тебе тайну – я ничего не успеваю. Я не сильно обременяюсь выгулом-выпасом данного чуда. За что и стыдно. Перед ним.

При виде хозяйки песик повизгивал и подпрыгивал. Наташу принял, как родную. Она заподозрила, что у него на нее были свои планы – ее можно облизать, а она взамен может погладить, обнять и покормить. Новая знакомая не стала разочаровывать – присела на корточки и стала гладить.

– У меня никогда не было собаки. Сначала родители не позволяли, а потом Миша. Он говорил, что в квартире должны жить только люди, ну и еще, как исключение, гуппи в аквариуме, и при первых признаках неудобства их можно смыть в канализацию.

– Ужас.

– Да, меня тоже его заявление приводило в столбняковое состояние.

– Его самого надо было смыть в канализацию.

– Как его зовут?

– Бус, Бусик. Он приبلудился, и я его оставила. Даже хозяев не искала.

Собака потешно махала тем пенечком, что называется хвост, похрюкивала и пофыркивала, в общем, издавала непонятные и смешные звуки.

– Уютненько у тебя здесь – похвалила Наташа, осмотревшись в комнате, заметив при этом отсутствие женских мелочей в виде вазочек и статуэток, книжек о детективах и романах и всяких штучек.

– Это мое летнее пристанище. У меня же есть родительская квартира в центре города, там я живу зимой. Там у меня есть все. Хотя уже давно подумываю, чтоб сюда навсегда переехать.

Нежно зелёный свет электрочайника сообщал, что он автоматически держит нужную температуру. Но Таня достала из холодильника две бутылочки минеральной воды. Одну отдала подруге, Бусик не растерялся и тут же облизал вспотевшую бутылку. Наташа не могла оторваться от песика и не обращала внимание на активную деятельность подруги по розыску ее автомобиля.

– Через два дня будет готова, так что два дня ты в моем в дружеско-отдыхательном распорядке.

– Отдыхательном – весело подтвердила Наташа.

– Я бы еще добавила – отдыхательно – загорательном. Пошли.

Бусик бегал под ногами, пытаясь увязаться с хозяйкой, громко хрюкал и не давал пройти.

– Нет, Бусик, с нами ты не пойдешь. Мы идем на городской пляж – сообщила Таня псу, сделав ударение на слове «городской» – вот когда поедем с Наташей на дикий пляж, возьмем тебя с собой.

– Дикий? Надеюсь не голышом загорать? – испугалась Наташа перспективе.

– Нет, – махнула рукой Таня – дикий – это когда в округе ста метров нет курортников и отдыхающих. Таких пляжей в Крыму сотни.

– И рядом нет цивилизации – поняла Наташа.

– Отсутствие цивилизации – это минусы: если кто-то не захотел после себя увезти мусор, то выбросил под дерево или в чисто поле.

– Да, бывает.

– А вообще такой пляж для тех, кто хочет отдохнуть от этой самой цивилизации, от шума города, дискотек и баров. Вот я так часто выезжаю. Наверное, старею. Беру подруг с семьями, шашлык, овощи, фрукты. Тент натягиваем между машинами, детям палатки ставим. Костер, мангал и отдых.

– Завидую – протянула Наташа.

– В округе нет никого. Метров сто в одну и другую стороны такие же веселые компании.

– Тогда такой дикий отдых мне нравится.

– Вот тогда и Бусика можно с собой взять и не переживать, что он не в отведенном специальном месте по нужде сходил. – Она присела на корточки, почесала собаку за ушком – так что, дорогой мой, сегодня ты дома сидишь.

Бусик недовольно хрюкнул, развернулся, ушел и улегся на коврик возле стены.

– Как будто понял – удивилась Наташа.

– Он все понимает, это я тебе точно говорю. Он настоящий друг. Вот если появится прежний хозяин, будет плакать крокодильими слезами, прося его вернуть – я не отдам Бусика.

– Он классный – Наташа подошла к песику и погладила его, пообещав – я позагораю, приду красивая, загорелая и погуляю с тобой на улице. Честно-честно. Не обижайся.

Так сразу Бусик не собирался прощать двух человеческих подруг, но смиростивился этой новенькой и мирно посопел и лизнул ее руку, разрешая – «Я тебя прощу. Обязательно, только чуть позже. Иди на свой пляж, хотя ты и так красивая, зачем тебе загорать? Мне ведь беленькие масти нравятся. Вот плавать я люблю. Люблю камушки из воды вытаскивать. Вытащи за меня несколько штук, а то они тонут, их спасти надо».

Выходя с территории «Виллы», Таня обреченно прошептала:

- На пляж мы сегодня не попадем.
- Что случилось? – тоже шепотом спросила Наташа.
- Валин муж. И уже навеселе.

Наташа завертела головой в поисках Валиного мужа, хотя понятия не имела, кто это и как он выглядит. Но пророчески заподозрила, что мужчина на скамейке, пристально рассматривающий подруг, и есть муж соседки Валентины. Весь его вид говорил, что не пропустит девушек без определенной дозы разговоров. Рядом с ним вальяжно сидел красивый, спортивной наружности парень. Таня поздоровалась с мужчинами.

– Привет, Виктор Викторович. Привет, Кирилл.

Кирилл махнул рукой и поздоровался по-английски, потеряв всякий интерес к девушкам. Его привлекала более молодая. И в данный момент он с огромным интересом наблюдал за красоткой в прозрачном белом платье поверх яркого купальника.

- Привет, привет девчушки – весело поздоровался мужчина – на пляж собрались?
- Да – ответила Таня.

Виктор Викторович без стыда дарил внимание Наташе, гадая, кто бы это могла быть. Таня конечно женщина хорошая и предприниматель знатная, но с каждым своим отдыхающим ходить на пляж и проводить экскурсии по городу не будет. Значит, это может быть родственница или очень важная гостя. Все его догадки читались на лице.

Таня не дала ему возможность придумать и удвоить его подозрения, прервала его размышления.

- Подруга моя – Наташа – представила она.
- Я так и подумал, – соврал он – а я вот здесь отдыхаю и скучаю.
- А чего скучаешь? – нехотя спросила Таня, зная, что за этим вопросом последует как минимум пятнадцатиминутная тирада.

Но Виктор Викторович грустно со вздохом ответил:

- Вот я думаю, кому я нужен?
- Уймись, батя, – через плечо попросил Кирилл и цыкнул. Депрессивные мысли отца отвлекали от прекрасной особы, обладательницы идеальной фигуры. – Достал уже.

Таня недовольно зыркнула на парня, она ответственно считала, что имеет право делать замечание младшему поколению при неуважительном отношении к родителям. Что и запланировала сделать этим же вечером – прийти к нему на работу и напомнить правила поведения с отцом.

- Я тебя умоляю, Витя. Семье ты нужен.
- Да прям – махнул он рукой. – Валька моя вся в делах, бизнес развивает. На тебя глядит, завидует и тянет. И из кожи вон лезет. А я с ней не согласен. Выше головы ведь не прыгнешь.
- Что это ты расклеился?
- Мысли мне поганые в голову лезут.
- А ты их гони.
- А как же? Они уже там.

Таня попыталась найти в Наташе помощь, надеясь, что та поймет и потянет ее от Виктора, но подруга с интересом слушала его причитания. Она же не знала, что Виктор здесь устроился в теньке с бутылочкой пива не зря, а с определенным умыслом – найти свободные уши и в них излить свое горе горькое.

– Сон мне приснился, красочный такой. Должен был быть веселый и радостный, но не тут-то было. Красочный, но грустный, аж до слез.

Танька, как он обидевшись мысленно ее назвал, не испытывала огромного желания продолжить разговор. Он переключился на Наташу – а вот и интерес. И он продолжил.

– Так я во сне плакал.

– Блин, батя, может, хватит? – скривился сын.

– Да что ты? – кисло спросила Таня – на тебя не похоже.

– А потому что за живое взяло. А снилось мне, что я умер – продолжил пояснять мужчина.

– Да как так?

– Так это ладно. Я умер, а сам видел, что после моей смерти происходит.

«А вот тут главное не спрашивать – и что же могло произойти?» – подумала Таня.

Виктор Викторович, не дожидаясь вопроса «и что же могло произойти?», со вздохом продолжил:

– Горе моей семье, Валюшке моей горе, Кире горе. Оставил я свою семью без наследства, без имущества, без денег, без приданного.

– Приданное невестам собирают, а у тебя жених растет – уточнила Таня.

– Вот без всего этого я их и оставил – всхлипнул Виктор.

– А куда все делось? – вредничала Таня.

Виктор Викторович удивился и ответил, как маленькому непонятливому ребенку:

– Так и не было ничего.

– Так чего ж ты страдаешь тогда?

– Так того и страдаю, что нет у меня ничего. Все на Валюху записано. Этот дом, – он махнул головой в сторону своего двора – участок на ней, бизнес на ней, счет в банке на нее записан.

Таня незаметно делала знаки Наташе (видимо слишком незаметно, что подруга не заметила). пришлось шепнуть:

– Пошли.

Виктор продолжил, не отпуская взгляда от Наташи.

– А я кто? Нету у меня ничего, Наташа. Вот Валюха оставит огромное наследство после себя и сыну хватит и мне и внукам моим, которых я все жду и жду. Да, Кирилл?

– Какие внуки, батя?

– В том то и дело. Нет внуков. Вот Таня умрет, тоже наследство оставит.

– Да мне еще рано – возмутилась Таня.

– Я знаю – махнул он рукой на Таню и переключился на Наташу. – А я что? Умру я и никакого наследства не оставлю. Бедная моя семья.

– Так живи сто лет – предложила Таня.

– Издеваешься? – не зло спросил он – сама знаешь, что здоровье у меня не ахти.

– Бегите, – не громко шепнул Кирилл. – Я его задержу.

«Действительно, надо бежать – мысленно согласилась Таня. – Если он сейчас начнет свои болячки перечислять, то до ночи не управится». Она взяла Наташу под руку и потянула за собой, на ходу прощаясь с соседом.

– Мы скоро вернемся, Витя. Мы очень торопимся, сейчас закроют то, куда мы шли и мы ничего не успеем, а это очень важно. Очень-очень – нескладно тараторила она, не давая ему возможность продолжить разговор и уходя от него подальше. – Пока.

На пляже было оченьлюдно, но подруги нашли место возле самой кромки воды – проходные vip-места – если тебя не обдаст водой, то засыплет песком.

– Какое блаженство – восхищалась Наташа, располагаясь на морском песке. Она набрала его в руки и пропустила через пальцы.

Песок приятно обжигал кожу – дискомфорт, который хотелось терпеть, впитать в себя и вспоминать серым морозным утром в ожидании автобуса на остановке.

– Как давно я не валялась на пляже.

– Правильно – согласилась Таня, – порядочные люди на пляже лежат, а ты валяешься.

– Обожаю наш Крым и Черное море.

– Чего это тебя на патриотизм потянуло?

– Я серьезно. Мне, конечно, сравнивать не с чем, во всяких там Египтах, Тайландах и иже с ними, я не была. Но Крым, по моему мнению – жемчужина земного шара.

– Спорить не буду. В Крыму, – уточнила Таня – куда бы ни поехала, везде разные пляжи. На ЮБК – скалы. В Судак – ракушка, в Алуште – галька и серый песок. В Евпатории – галька и желтый песок. В Черноморском и песок и скала. Мыс Тарханкут – гроты, пещеры, обрывы. Неописуемая красотища. Дух захватывает. Крым – это легендарное место. А в горах ты была?

– Нет – с сожалением ответила Наташа.

– А ты знаешь, что каждый второй крымчанин не видел всей красоты крымской природы.

– Не знаю, как на счет каждого второго, но я точно не видела даже десятой части Крыма.

– А я тебе о чем толкую. – Поучительно заявила Таня голосом вредной учительницы – но ты не волнуйся, какие твои годы. Вот я для себя точно решила – три раза в год выезжать в разные места. В этом году на Пасху ездили с компанией в Большой Каньон. Весной там чудно. Такого количества нежной зелени после зимы не увидишь нигде. В мае ездила в Новый Свет, там есть бухта закрытая горами, мыс Капчик похож на ящерицу в воде, а с одной ее стороны Синяя бухта, а с другой Голубая. Названия бухты взяли от цвета воды. И вода там прогревается быстрее.

С каждым словом вредная учительница превращалась в романтическую путешественницу.

– Танюш, я тебе завидую.

– Ты не завидуй, а давай переворачивайся, выставляй свои аппетитные прелести на показ солнышку и молодым красавчикам. Сколько можно уже в девках ходить? Уже сутки на курорте, а романа еще нет.

– Нужен мне твой роман – пресным голосом протянула Наташа. – Ты же должна знать, что курортные романы недолговечны и несерьезны.

– Согласна. Тогда давай не роман, а ветряный флирт. Давай, давай переворачивайся.

– Чтобы все «молодые красавчики» увидели мои прелести измятые и отдавленные камушками?

– Я серьезно тебе говорю, пора бы тебе и глазки кому построить.

Таня настроилась на наставления подруги на путь кокетства, почти путь истины. Но Наташа оберегала себя ревностно – кремь, а не девушка.

– Я не умею. Научишь? – ёрничала Наташа. – Сама в девках ходишь, а меня под танки бросаешь.

– Не под танки – строго ответила Таня. – Между прочим, я молюсь, чтоб у нас с тобой появились мужчины, с большой буквы этого слова. Вспомни ведро, вот и оно.

Наташа удивилась и застыла, хотя собиралась перевернуться и даже начала переворачиваться на спину. Но увидела возле себя волосатые ноги ведра, ой, простите, мужчины. Мужчина грузинской наружности, с литровым бокалом пива в руках, спросил:

– Можно я присяду рядом с такими ачаровательными дэвушками?

Таня разрешающе махнула рукой.

Наташа опять плюхнулась животом на песок, хотя кожа ответственно заявляла, что среди песчинок есть острые камушки и они-то вызывали желание изменить положение. Куда ей теперь переворачиваться. Живот и грудь в отпечатках природного материала – вид не для слаборвного сильного пола.

– Гори, спина моя, гори – тихо прошептала она, в надежде, что мужчина долго с ними не задержится.

Он тем временем откровенно рассматривал Танюшу, а та ему кокетливо улыбалась. Наташа знала эту Танину манеру общения с такими типчиками еще со времен института. Это называлось «смотри, облизывайся, глотай слюнки, только руки не распускай».

– Давай знакомится. Я – Грыша.

– Как? – с хитринкой в глазах, спросила Таня.

– Ну нэт. Мое настоящее имя... э... трудное.

– И какое же это трудное имя?

– Джумбер.

Таня хитро глянула на подругу.

– Да есть маленечко. Трудноватое.

– Я бы сказала: вообще непроизносимое – Добавила Наташа.

– А тэбя как зовут?

– Мэня зовут Таня.

– А тэбя?

– Мэня Наташа – поддержала она игру.

– Наташа – протянул грузин Гриша.

Таня решила играть дальше.

– Наташа – самое любимое русское имя для иностранцев.

– А он разве иностранец?

– Ты Гриша, иностранец? – Не стала откладывать в долгий ящик вопрос с его происхождением Таня.

– Я?

– Да, ты.

– Я да. Иностранец – протянул Гриша- Джумбер.

Наташа зашептала:

– Кажется, ему нравится это слово.

Таня согласилась.

– Таня, Наташа, давайте дружить. Я исполню все твои желания.

– Чьи, твои? – уточнила Таня.

– Твои – он подмигнул Тане, потом посмотрел на Наташу, ей тоже подмигнул – и твои.

Подруги прыснули со смеху.

– Вот чего ты хочешь, Наташа? Я все могу.

Наташа сделала вид, что задумалась и сообщила:

– Я хочу на луну.

– На луну? Хорошо. Это клуб такой? Гдэ он? Я отведу тэбя туда. И тэбя – добавил он, подмигнув Тане.

Подруги недолго сдерживали смех – дело трудное. Они обхохотывались со всей силы. Наташе было неудобно смеяться лежа и она, сгибаясь от смеха, все же села и накинула на себя полотенце.

Грузин Гриша воспрянул духом, считая себя самым неотразимым на этом пляже, ведь самые красивые «дэвушки» удостоили его вниманием, говорят ему о своих желаниях и радуются, веселятся.

– Гдэ этот клуб? Скажи. Вечером он работает? Да? Пойдешь туда. И ты тоже – он опять подмигнул Тане.

– По моему он не знает слово «вы» и предлагает нам с ним пойти по очереди. Сначала тебе, потом мне – хохотала Таня.

– Я здэсь уже все клубы знаю. Я уже везде был. А «Люна» не знаю.

Таня закрыла руками лицо, вытерла слезы, которые от смеха катились не произвольно, и сказала:

– Луна, миленький, далеко. Очень далеко. Мне жаль, но ты до нее не дойдешь и даже не долетишь.

Заявление ему не понравилось, Гриша подскочил, гордо выпячил грудь. Пиво вылилось на камни. Женщина, отдыхающая по соседству, удивленно оглянулась и недовольно помотала головой.

– Я? Я дойду. У мэня есть сила. А надо будет, возьму таксы. И тэбе. И тэбе.

– Хорошо-хорошо – успокаивающе согласилась Таня. – Прысядь, милоч. Дойдешь, дойдешь.

Гриша гордо уселся на место и погрозил пальцем Тане.

– Ты так нэ говори. Я все могу. Я же Джумбер. Мэня все знают.

– Я поняла. Каюсь, – с улыбкой согласилась Таня и переглянулась с Наташей – горячая грузинская кровь.

– Таня, а почему мэня мэлоч зовешь? Нэ понимаю, это мэл, который учитэль в школе на доске пишет? Мэл, потому что я бэлый, как мэл? Я плохо загорел?

Он осмотрел свою темную кожу на животе, по бокам и даже попытался заглянуть за спину.

– Бэлый мэл. С ума сойти можно с тобой, Гриша. Куда тебе еще загорать?

– Может он хочет негром стать? – усмехнулась Наташа.

– Нэ, нэгром нэ хочу.

– Вот и хватит тебе на солнце жариться. Иди в बारे в теньке посиди – выпроваживающее, предложила Таня.

– Хорошо – согласился «бэлый мэл» – пива тэбе принести? И тэбе?

– НЭТ – хором ответили Таня с Наташей и засмеялись.

– Видэш, дэвушки, со мной вэсло.

– Это уж точно – единственное с чем могла согласиться Наташа.

Он поднял пустой бокал, заглянул в него и пошел в бар за пивом.

– Обувай лябутены и пошли на денс – коверкая слова, веселилась Таня.

– Он повеселил меня.

– Самое смешное, что он сам не понимает, что говорит глупости. Но нам нужно от него избавляться – заговорщицки сказала Таня и шепотом добавила – в хорошем смысле этого слова.

– Еще не хватает, чтоб он пошел нас провожать и узнал, где мы живем – так же шепотом поддержала ее Наташа, – потом весь свой отпуск доставал нас своим присутствием.

Осознав невеселую перспективу, они заговорщицки осмотрелись. Невдалеке от них расположилась Виктория с детьми, мальчишки сразу побежали в воду, на ходу скидывая с себя футболки и шорты, Света в сарафане вошла в море и только приподняла подол. Ценить маленькие радости могут только дети.

– Привет – закричала она.

Наташа помахала ей рукой, а Виктории кивнула головой – поздоровалась.

Света подбежала к ним, торжественно разметая в разные стороны морскую воду, и весело спросила:

– Вы тоже решили на пляж прийти?

Таня в шутку отчиталась:

– Решили, собрались, пришли, плаваем, загораем.

– Мы сначала хотели в бассейне, но потом решили, что в бассейне можно вечером. А сейчас нужно на море. А в бассейне можно даже ночью плавать, только мы не ходим. И ночью мы спим. А тете Наташе уже надо уходить – без каких-либо пауз сообщила девочка.

– Почему? – удивилась Наташа.

– У тебя спина красная.

Таня сняла очки, заглянула Наташе за спину и подтвердила.

– Точно. Красная.

– Блин, – расстроилась Наташа – всю ночь теперь болеть будет.

– А вы намажьтесь перед сном. Мама меня мазала чем-то. Хотите я спрошу?

– Не надо, Светочка, – отказалась Таня.

– Пойдем, Таня, поплаваем и потом пойдем на Виллу.

– Да.

– А мы только пришли, – сообщила девочка – мама говори, что сейчас самое безопасное солнце. Так что я с мальчишками уже не сгорю. А себя мама кремом намажет, чтоб к ней вообще не приставал загар.

– Тогда она совсем белая будет.

– Она не любит загорать.

– А ты?

– Я люблю купаться в море.

– Светик, – сделала замечание Таня – купаются в ванной, а в море и бассейне плавают.

– Вот и правильно, тетя Таня, я просто обожаю плавать. А загар сам ко мне пристанет.

– Судя по твоим братьям, они тоже обожают плавать.

Близнецы бегали по мелководью под самой кромкой пляжа, Виктория разговаривала по телефону, но глаз с озорников не спускала. Мальчишки громко пищали, кричали и брызгались водой, веселились, падали, потом вставали и бежали дальше. Иногда они делали шаг или два вглубь моря, но бдительная Виктория окликала их, и они возвращались обратно. Она показала им, что можно заходить в море только по колено воды, но не глубже и они ее слушались. Мальчишки смешно ставили ноги, потешно косолапили.

Таня, кряхтя, как старая бабка, встала и потянула за собой Наташу.

– Пойдем, поплаваем. И не стони – дома намажу тебя сметаной. А ты, Светулька, иди к мальчишкам, а то мы поплывем далеко и глубоко.

– Может водкой меня намазать? – Наташа нежно дотронулась к плечу. – Хорошо я поджарилась.

– А я тебе говорила переворачиваться. А еще я тебя просвещу, темный лес, спиртом тебя мазать нельзя, он сушит кожу. Потом пищать будешь, когда она натянется и потрескается. Мылом тоже мыться сегодня нельзя – тоже сушит. Просто в душе сполоснешься, не грязная, вроде, в шахте не была.

– Получается, что только сметаной можно.

– Сметана, средство народное, только для успокоения души. Помочь не поможет, но вроде что-то сделали. Самое лучшее средство из аптеки. Их сейчас полно всяких. Так что зайдем на обратном пути и купим.

Сравнение морской воды с парным молоком было неполноценно, а с чистой слезой – не заслуженно меланхолично. Все это не подходило к той нежности, которую дарило море. Скорей всего многие испытали чувство зависти к русалкам. Хотелось нырять и любоваться морским дном, но на это Наташа была не способна. Сказать, что она плавала плохо – это соврать. Плавала она отвратительно. Пока под ногами чувствовалось дно – она плыла, если под ногами не чувствовалось дно – она тонула, при этом в панике выпучив глаза и пытаясь утащить с собой под воду всех кто рядом. Поэтому плавала она только вдоль берега, периодически проверяя ногами твердую поверхность.

– Хорошее время для отпуска ты выбрала.

– Это не я, а ты выбрала – возразила Наташа. – Забыла, что это ты меня выманила из дома?

– Правильно. – Таня не чувствовала вины. – Сидишь в пыльном бетонном городе, света белого не видишь. Вот объясни мне, почему ты в отпуск не ходишь?

– Потому что у меня нет детей.

– Согласна, к этому несложному делу нужно подходить ответственно. Но все же ты мне не пояснила.

– У меня нет детей и меня легко поставить на замену тех, кто ушел в отпуск.

– А ты у нас безотказная – не зло прокомментировала подруга. – А вообще, это логично, Павел Викторию с детьми каждое лето привозит отдыхать. Наверное, на работе их тоже кто-то подменяет.

Поплавав минут двадцать, они вышли на берег. Грузин Гриша, как преданный пес, ждал возле их полотенец и попивал пиво.

Подруги быстро собрались, быстро избавились (в хорошем смысле этого слова) от джигита Гриши, пообещав ему сегодня вечером встретиться в «клубе Люна», которого в городе точно не существовало. Выходя с территории пляжа, Таня сказала:

– Вход на этот пляж нам в этом сезоне закрыт. Не простит нам Гриша-иностранец обмана и несбывшихся надежд «на тэбя... и на тэбя».

По дороге на «Виллу» они зашли в аптеку. Сигнал ногам давала горящая кожа на спине. Она натянулась и стала тонкой, даже легкий шелк сарафана натирал, бретельки на плечах мешали. Наташа страстно мечтала попасть в свой номер и намазаться волшебным средством из аптеки, расхваленным провизором.

Возле «виллы» они встретили смешную троицу, парень с девушкой в хипповских нарядах с огромными рюкзаками на плечах и тетка, несшая за ними две огромные сумки. От груза под ними она согнулась почти пополам и, выпучив нос вперед, тянула за собой ношу. Так как руки были заняты, а нос свободен, этим самым носом она указывала дорогу молодым людям. Хотя у них самих были огромные рюкзаки на спинах, но было видно, что они не тяжелые, а наоборот даже легкие.

– Вон туда идите, вот по этой тропинке, – указывала женщина – вон в те ворота проходите.

– Валентина, – окрикнула Таня.

Женщина остановилась, поставила сумки на дорожку и с огромным облегчением швырнула на них ручки. Молодые люди тоже остановились.

– Ох, Танюша. Здравствуй.– Запыхавшаяся Валя вытерла пот со лба – веду тебе постельцев на несколько дней. Познакомьтесь ребята, это Татьяна Семеновна, она-то вас и приютит, пока у меня места не освободятся, а там поглядите, может, у нее на весь отпуск останетесь.

– Здравсте – поздоровались в один голос ребята.

– Добрый день – так же ответили Таня с Наташей.

– Это Валя и Валя – представила Валентина парня с девушкой. Она задумалась и усмехнулась – тройные тезки. Вот пришли ко мне, а местов-то нету.

– Не переживай, Валек, приучу, не обижу. Пошлите ребята на поселение – пригласила она, и добавила, когда они уже двинулись в сторону Виллы – только сумочки свои не забудьте.

Ребята вернулись за сумками.

Таня с чувством сказала Вале:

– Спасибо, сочтемся. Не будет у меня мест, приведу к тебе.

– Так я, Танюша, всегда сначала к тебе первой веду, а потом уже к Николаю – грустно сказала Валя и шепотом добавила – а ты ж как делаешь?

– Как? – Таня остановилась и повернулась к Валентине, что то было в ее голосе грустное похожее на обиду и это встревожило. – Как я делаю, Валя?

Валентина по-матерински погладила Таню по плечу:

– Иди уже, заселяй дорогих гостей.

– Заселю, Валь, только ты если что говорить начала, то договаривай – потребовала Таня. Наташа догадалась, что Вале неудобно продолжать разговор при посторонних людях и уже сделала попытку отойти от двух соседок, но подруга крепко держала ее под руку.

Валя тоже была женщиной догадливой и поняла, что пока не скажет, Таня от нее не отстанет.

– Хорошо, Танюш, просто думала, в другой раз тебе скажу.

– Говори сейчас – требовала Таня.

– Никогда на тебя не обижалась, а тут такое – неуверенно начала женщина.

– Какое?

– Я же к тебе всегда с душой, а ты у меня мужичка увела.

– Какого мужичка я у тебя увела? – изумилась Таня.

– Моего.

– Кого? Дядю Витю? Мужа?

– Причем здесь мой муж?

– Так ты же сказала, что я увела у тебя мужичка твоего. Только я у тебя его не уводила.

С ума сошла?

– Это ты с ума сошла. Мой-то Витька на молодых давно только смотрит и слюнки глотает. Возле юбки моей сидит. Чего ты мелешь, Танюш?

– Я мелю? Ты себя послушай «Увела моего мужичка».

Наташа смотрела на сложившуюся ситуацию с опаской, вдруг Валя за «уведенного» мужа начнет драку, а у Наташи, как на зло, кожа солнышком опалена. Так что, в этом бою она уже раненый воин.

Девушка Валя с парнем Вале́й – двойные тезки – смотрели на картину маслом с открытым интересом и нескрываемым желанием увидеть бабью драку, а еще лучше снять все на телефон, а потом выложить в инет.

Валя ничьи ожидания не оправдала – расхохоталась, но шутку юмора никто понять не смог и в смехе ее не поддержал. Нахохотавшись, женщина положила Тане на плечо руку и обняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.